

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 77

М.Н.Губогло

**Башкортостан и Татарстан.
Параллели этнополитического
развития**

Очерк 1. Плоды суверенизации

Москва 1994

Документ № 77

М.Н.Губогло

**Башкортостан и Татарстан.
Параллели этнополитического развития.**

Очерк 1. Плоды суверенизации

Москва 1994

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 77.

Материалы серии отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)

И.Г.Косиков

Н.А.Лопуленко

М.Ю.Мартынова

По вопросам приобретения материалов
обращаться по адресу: 117334, Москва,
Ленинский проспект, д.32а.

Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12

Работа выполнена в рамках российско-американского проекта "Предвыборная и поствыборная ситуация в России - 1993 г.", финансируемого Фондами Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и Карнеги.

Авторы проекта:	Джерри Хафф	(Дюкский университет, США)
	Тимоти Колтон	(Гарвардский университет, США)
	Сьюзен Лейманн	(Колумбийский университет, США)

Руководитель исследований в
республиках Российской Федерации:

Михаил Губогло	(Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук)
-----------------------	--

Издание осуществлено при финансовой поддержке Отделения истории РАН
Программа "Возрождение и обновление России (этнологические и
исторические проблемы)".

Москва, 1994

БАШКОРТОСТАН И ТАТАРСТАН. ПАРАЛЛЕЛИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Очерк I. Плоды суверенизации.

Многообразие этнополитических ситуаций и процессов, складывающихся и протекающих в постсоветском пространстве, подобно магниту, привлекает внимание политиков, практиков и ученых. Вполне закономерны при этом желание знать контуры каждой ситуации, фактуру ее процессов. Без знания их содержания, без понимания сути мобилизованной этничности и факторов ее генезиса и развития, вряд ли возможны сколь-нибудь более широкие обобщения. Однако подобный однолинейный подход, разумеется, имеет свои границы. Как в классической этнографии, нельзя познать один народ, не зная другого, так и в этнополитологии (1) вряд ли можно глубоко разобраться в одной ситуации, не сравнив ее с другой или с другими. В этой связи имеет смысл попытаться рассмотреть параллели этнополитического развития двух соседних тюркоязычных республик - Башкортостана (2) и Татарстана (3), в доперестроечной и постперестроечной судьбе которых немало сходств и различий, вызванных особенностями их исторического развития, степенью суверенизации и современными межэтническими отношениями.

Интерес к каждой из них, в том числе со стороны сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, имеет устоявшиеся традиции и поучительную историю. В известной степени этим двум бывшим автономным республикам РСФСР в немалой мере обязана своим происхождением и изначальным импульсом российская этносоциология (4). Первую документированную летопись и аннотированную хронику этнополитического процесса в Башкортостане, вероятно, можно отнести к истокам этнополитологии (5).

При этом в каждом случае организация и итоги исследований во многом были предопределены хорошо налаженными, ставшими традиционными связями и взаимопользным сотрудничеством между учеными Москвы, Казани и Уфы. В 1993 г. в контекст этих связей включились американские ученые Джерри Хафф, Сьюзен Лейманн, Дэвид Лейтин и Тимоти Колтон.

Этносоциологическое исследование по проекту: "Язык, национальность и бывший Советский Союз" (авторы: Джерри Хафф, Дэвид Лейтин и Сьюзен Лейманн; соруководители опроса: в Башкортостане - М.Н.Губогло и Р.Г.Кузеев, в Татарстане - М.Н.Губогло, Е.П.Бусыгин, Г.Р.Столярова), проведенное в апреле 1993 г. в Башкортостане и в сентябре 1993 г. в Татарстане, открывает возможность для изучения некоторых аспектов и итогов провозглашенного суверенитета. Трехполосная модель взаимоотношений, взятая из системы межэтнических отношений Башкортостана, и двухполосная из Татарстана позволяют определить характер и новейшие тенденции в трехсторонних взаимоотношениях в различных зонах притяжения - отторжения, а также, в так называемых нейтральных, "зонах" без каких-либо установок (attitudes) про- и антиэтнической выраженности и направленности.

И хотя итоги этих исследований нельзя полностью экстраполировать на население каждой из республик, следует все же подчеркнуть их достаточно весомую значимость, так как в Башкортостане горожане в 1989 г. составляли 63,8%, а в Татарстане - 72,9% всего населения каждой из этих республик. Охваченные опросом респонденты трех национальностей - башкиры, русские и татары в Башкортостане и татары, русские и чуваша в Татарстане представляли соответственно 89,6% и 95,5% всего городского населения этих республик.

Предварительные итоги исследования в Башкортостане были рассмотрены на симпозиуме, организованном Дэвидом Лейтиным в марте 1994 г. в г.Чикаго (6). Имея итоги

исследования по Татарстану, мы сочли возможным сравнить две линии суверенизации и ее последствий в Башкортостане и Татарстане, надеясь, что такое сравнение может оказаться полезным в выявлении общего и частного в контурах этнополитического развития каждой из республик (7).

С небольшим временным интервалом, менее полтора месяца, - 30 августа и 11 ноября 1990 г. вступили в силу Декларации о государственном суверенитете Татарской и Башкирской Республик. Согласно этим документам, имеющим силу закона и являющимися основой для разработки Конституции, обе республики обрели государственный суверенитет в пределах существующих границ и самопреобразовались из ТАССР и БАССР в Татарстан и Башкортостан. Они были не первыми и не последними из числа бывших автономных республик бывшего РСФСР, ринувшихся в 1990 г. вслед за бывшими союзными республиками в процесс суверенизации (см.табл.1).

Таблица 1.

Суверенизация бывших автономных республик
Российской Федерации.
Хроника принятия деклараций о суверенитете и
других законодательных актов.

Наименование документа	Дата принятия	Новое официальное название республики
1. О государственном суверенитете Российской Советской Социалистической Республики.	12.06.90 г.	название оставлено прежнее
2. О государственном суверенитете Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики.	20.06.90 г.	название оставлено прежнее
3. О государственном суверенитете Карельской АССР.	09.08.90 г.	название оставлено прежнее
4. О государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Республики.	29.08.90 г.	Коми Советская Социалистическая Республика.
5. О государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики.	30.08.90 г.	Татарская Советская Социалистическая Республика. Республика Татарстан.
6. О государственном суверенитете Удмуртской Республики.	20.09.90 г.	Удмуртская Республика.
7. О государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики.	27.09.90 г.	Якутская-Саха Советская Социалистическая Республика.
8. О государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики.	08.10.90 г.	Бурятская Советская Социалистическая Республика.
9. О государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики.	11.10.90 г.	Башкирская Советская Социалистическая Республика. (Башкирская ССР). Башкортостан.
10. О государственном суверенитете Калмыцкой Советской Социалистической Республики.		Калмыцкая Советская Социалистическая Республика.
11. О государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики.	22.10.90 г.	Марийская Советская Социалистическая Республика.

12. О государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики.	24.10.90 г.	Чувашская Советская Социалистическая Республика. Республика Чувашья.
13. О государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики.	27.11.90 г.	Чечено-Ингушская Республика.
14. О государственном правовом статусе Мордовской Советской Социалистической Республики.	07.12.90 г.	Мордовская Советская Социалистическая Республика.
15. О государственном суверенитете Советской Республики Тува.	12.12.90 г.	Советская Республика Тува.
16. О государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики.	30.01.91 г.	Кабардино-Балкарская Советская Социалистическая Республика
17. Постановление III съезда народных депутатов Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. О государственном статусе Дагестанской АССР.	13.05.91 г.	Дагестанская Советская Социалистическая Республика. Республика Дагестан

В декларациях значительного большинства бывших автономных республик России носителем суверенитета и источником государственной власти объявлялся народ республики, и только в Декларациях Башкирии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии - много-национальный народ республики.

На рубеже 80-90-х гг. этническая мозаика республики Башкортостан была составлена из 112 национальностей. Иными словами, до полного списка всех национальностей, расцветивающих этническую панораму Российской Федерации, а тем более бывшего СССР, состоявшего из 128 этнических наименований, включенных в опубликованные списки народов, Башкортостану не "доставало" всего лишь 16.

Дав республике свое имя, обретя вместе с ней и ее народом статус суверенности, выступая народом, цементирующим государственное единство, башкиры вместе с тем занимали в республике всего лишь третье место по численности, уступая почти в 2 раза русским, и в 1,3 татарам. В Татарстане, хотя татары и не составляли половины всего населения республики тем не менее занимали первое место, а русские - второе. Но об этом - ниже.

Накануне VI съезда народных депутатов Российской Федерации, когда были опубликованы критические статьи по поводу вынесенных на обсуждение проектов конституции Российской Федерации (8) и несколько раньше, перед тем, как 31 марта 1992 г. в Кремле были подписаны три варианта единого Федеративного Договора (Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ), началось резкое обострение отношений между Москвой, с одной стороны, Казанью и Уфой - с другой.

Референдум в Татарстане, проведенный в марте 1992 г. и открывший ему зеленый свет в борьбе за независимость и отвергнутые 10-й сессией Верховного Совета Башкортостана проект новой Конституции Российской Федерации и проект соглашения о разграничении полномочий вывели эти две республики на передний план нового витка суверенизации.

В обширной дискуссии между Центром и двумя республиками Поволжья основными спорными моментами стали - конкуренция между законодательной и исполнительной властями и борьба между Казанью, Уфой и Москвой за перераспределение полномочий.

Война законов, очень знакомая по своим идеологемам, контурным событиям и тенденциям, за повышение статуса и объема своих полномочий, за расширение экономической и политической самостоятельности дала повод нетерпеливым журналистам вполне серьезно заговорить о том, что России угрожает судьба развалившегося Союза. Масла в огонь подлили своими "особыми" позициями три бывшие автономные республики - Чечено-Ингушская, Татарская, Башкирская.

У каждой из них, конечно, своя судьба, своя история, свой специфический характер межнациональных отношений, свои взгляды по поводу "исконных" и "не исконных" этнических территорий, особых прав титульного народа, на курс экономической и

социальной политики, планы и глубины ее формирования, на статус государственного языка.

Этническая мозаика этих республик, особенно Татарстана, потенциально создавала ситуации для формирования национальных движений по двум основным линиям. В недрах титульной национальности, считающей себя в первую очередь носителем суверенитета, зарождались движения за создание приоритетных условий для ее национального развития, в недрах не-титульных национальностей, естественно, возникало контрдвижение.

Надо ли удивляться тому, что и Башкирский народный центр "Урал" на своем I съезде, состоявшемся 18 декабря 1989 года, утвердил свой программный документ, в котором на передний план выдвигались задачи по:

- 1) обретению статуса союзной республики,
- 2) повышению статуса башкирского языка путем признания его государственным языком,
- 3) содействию государственным органам в организации обучения башкирскому языку в детских дошкольных учреждениях, в школах и вузах,
- 4) организации широкой пропаганды истории и культуры, прогрессивных обычаев башкирского народа среди населения,
- 5) установлению связей с башкирами, проживающими за пределами Башкортостана и т.п. (9).

В ответ активизировались движения среди не-титульного и прежде всего среди русского населения.

Рост национального самосознания и подъем национальных движений в Башкортостане и Татарстане продемонстрировал возможности появления многоосевой линии межнациональной напряженности. И в этом нет ничего удивительного, если принять в расчет, что в самой этнической мозаичности был заключен потенциально возможный взрывной заряд, по крайней мере при тех условиях, когда суверенитету республики некоторые идеологи пытались придать исключительно моноэтническую окраску. Об этом, в частности, дальновидно предупреждал Председатель Верховного Совета республики Муртаза Рахимов в ходе своей встречи со студентами-участниками политической голодовки, протестующими против подписания республикой Федеративного договора. "Мне понятны ваши чувства и ваши стремления,- говорил он в своем обращении к активистам Союза башкирской молодежи,- но достичь поставленных целей можно только на основе единства всех народов, проживающих в Башкортостане" (10).

Стремление к консолидации проявилось внутри каждого из двух лидирующих на этнополитической сцене Башкортостана национальных движений: Башкирского Народного Центра, выступившего инициатором мобилизации Башкирского Народного Конгресса, и Татарского Общественного Центра, с которым ассоциированы движения, отражающие интересы и чаяния татарской части населения Башкортостана (11).

Документы (резолуции, обращения, лозунги) всех шести проведенных курултайев (съездов) свидетельствуют о постепенном сдвиге активистов башкирского национального движения в сторону монополизации в республике интересов титульной нации. Особенно показательны в этом отношении документы VI Внеочередного всебашкирского съезда (12), толкающие республику на путь дальнейшего углубления суверенизации, вплоть до обретения независимости.

В отличие от башкирского национального движения, ориентированного на создание башкирской национальной государственности, татарский общественный центр в Башкортостане стремился оказывать содействие органам государственной власти и управления в реализации политических и культурных прав татарского населения республики. Видное место в изучении задач этого движения занимает и поддержание культурных, научных и деловых контактов с лицами татарской национальности как в пределах, так и за пределами Башкортостана.

Суверенизация внесла ряд серьезных изменений в социально-политическую обстановку и межнациональные отношения. Началось складывание новой этнополитической ситуации, потребовавшей от исследователей обновления понятийно-терминологического аппарата.

Этнодемографическая ситуация.

Предварительно напомним этнодемографический "вес" национальностей в каждой из двух суверенных республик. По переписи населения 1989 г. доля башкир в составе городского населения Башкортостана составляла 14,5 % и была в 3,5 раза меньше доли русских (51,5 %) и почти в 2 раза (1,8) меньше доли татар (27,5 %) (13).

Несмотря на стремительный рост за тридцать лет доли башкир в городах, в том числе в столице Башкортостана, они оставались скорее русскими и татарскими, чем башкирскими (см.табл.2).

Размах вариации по удельному весу занимающих полярные позиции башкир и русских сократился с 56,0 % в 1959 г. до 36,6 % в 1989 г., в том числе по Уфе соответственно с 59,4 % до 42,9 %. Следовательно, ведущая линия этнодемографических изменений состояла в сочетании двух тенденций: башкиризации и дерусификации (см.более подробно в табл.2).

В отличие от трехполосной системы межнациональных отношений в Башкортостане, Татарстан представлен двумя полюсами. При этом доля татар в городах за тридцатилетие возросла на 8,9%, а доля русских сократилась на 10,3%. В итоге, размах вариации между удельными весами татарского и русского населения упал с 27,9% до 8,7%. Иными словами, в этнодемографическом плане здесь, подобно соседнему Башкортостану, происходила татаризация городов за счет их дерусификации (см.табл.3).

Обе эти тенденции, как нетрудно догадаться, "работали" в одном и том же направлении - на усиление межнациональной конкурентности между титульными национальностями и русскими именно в городском пространстве каждой из республик.

В ходе урбанизационных процессов часть сельского населения перемещалась в города. Доля городских жителей в Башкортостане среди башкир за тридцать лет увеличилась в 3,1 раза, среди русских - в 1,4, а среди татар - в 1,8 раза. Каждые двое башкир и каждые четверо русских из пяти человек соответствующей национальности проживали в городах. Разрыв между долями горожан у башкир и русских сократился с 44,1% в 1959г. до 40,7% в 1989г.

В Татарстане удельный вес горожан среди татарского населения возрос в 2,2 раза, среди русских - в 1,5 раза, и среди чувашей - в 3,3 раза. Накануне перестройки в городах Татарстана проживали каждые 2 из троих татар и более чем каждые четверо из пятерых русских. Разрыв между долями горожан среди татар и русских сократился с 28,6% в 1959 году, до 22,3% в 1989 г., Урбанизация чувашского населения, хотя и шла опережающими темпами, не привела к той степени урбанизированности, которой достигли татары и русские.

Таблица 2.

**Динамика численности основных национальностей Башкортостана
в 1959-1989 гг.
(в %, по данным переписей населения СССР).**

	1959	1970	1979	1989
I. Города				
башкиры	7.9	9.6	12.1	14.5
русские	63.9	59.8	55.8	51.1
татары	18.9	22.2	23.6	25.7
II. Уфа				
башкиры	5.5	7.1	9.5	11.3
русские	64.9	61.7	58.2	54.2
татары	21.1	23.8	24.6	27.0
III. Сельская местность				
башкиры	30.9	36.2	40.4	34.9
русские	29.1	22.6	19.8	18.4
татары	25.6	27.1	25.6	33.2
IV. Всего по республике				
башкиры	22.1	23.4	24.3	21.9
русские	42.4	40.5	40.3	39.3
татары	23.0	24.7	24.4	28.4

Можно сделать заключение, что в целом титульное население в обеих республиках по части урбанизированности "наступало на пятки" русским. На эту тенденцию - выравнивание долей титульной национальности и русских следует обратить особое внимание, так как именно она, как покажет дальнейший анализ, станет первопричиной роста национального самосознания и усиления напряженности в межнациональных отношениях.

В столице Башкортостана эта тенденция проявила себя в несколько иной форме чем в целом в городах республики. За тот же период разрыв между долями столичной части башкир и русских не сократился, а даже несколько возрос: с 20,9 % в 1959 г. до 23,7 % в 1989 г. (см.табл.4).

Таблица 3.

**Динамика численности основных национальностей Татарстана
в 1959-1989 гг.
(в %, по данным переписей населения СССР).**

	1959	1970	1979	1989
I. Города				
татары	33.2	36.8	37.7	42.1
русские	61.1	57.9	56.1	50.8
чуваши	1.5	1.7	1.9	2.2
II. Казань				
татары	33.3	35.5	38.1	40.5
русские	62.0	60.0	57.8	54.7
чуваши	0.9	1.1	1.1	1.1
III. Сельская местность				
татары	57.2	62.1	64.5	65.5
русские	31.7	26.0	23.5	22.9
чуваши	7.5	8.3	8.3	7.7
IV. Всего по Татарстану				
татары	47.2	49.1	47.6	48.5
русские	43.9	42.4	44.0	43.3
чуваши	5.0	4.9	4.3	3.7

Таблица 4.

**Темпы урбанизации среди основных национальностей
Республики Башкортостан
(по итогам переписей населения СССР).**

	% горожан в составе данной национальности			
	1959	1970	1979	1989
I. Города				
башкиры	13.6	19.7	28.1	42.3
русские	57.7	71.1	78.7	83.0
татары	31.2	43.3	54.8	57.8
II. Уфа				
башкиры	4.1	6.1	9.8	14.1
русские	25.0	30.7	36.4	37.8
татары	15.0	19.4	25.3	26.0

В столице Татарстана, напротив, разрыв между долями столичной части русского и татарского населения сокращался: с 16,0% в 1959 г. до 12,8% в 1989 г. (см. табл. 5).

**Темпы урбанизации среди основных национальностей
Республики Татарстан
(в %, по итогам переписей населения СССР).**

	% горожан в составе данной национальности			
	1959	1970	1979	1989
I. Города				
башкиры	29.4	38.6	49.8	63.4
русские	58.0	70.3	80.2	85.7
татары	13.0	17.7	27.9	43.1
II. Казань				
башкиры	16.0	20.1	22.9	24.9
русские	32.0	39.2	37.7	37.7
татары	4.3	6.1	7.3	9.3

Суверенизация: ожидания и реальность.

В узком смысле суверенизация означала политическую акцию, суть которой состояла в принятии сначала бывшими союзными, а вслед за ними и бывшими автономными республиками Деклараций о суверенитете. В широком, а точнее, в более глубоком смысле суверенизация предполагала несколько аспектов: 1) антисоветизацию, означающую отказ от руководящей роли КПСС и монополии партии на государственную власть, 2) демократизацию, ведущую к установлению нового правового порядка, основанного на твердом соблюдении законов, 3) антитоталитаризацию, исключавшую переход власти к какой-либо части этнической или социальной группы недемократическим путем, 4) переход к рыночной экономике, подрывающей всевластие центра и разрушающей в конечном счете командно-административную систему экономики, и, наконец, 5) этническую мобилизацию, идеологически основанную на принципе самоопределения одной национальности, выступающей под знаменем национального возрождения или деколонизации. При этом названные здесь в качестве составных частей суверенизации - демократизация и этнизация - могли как в теоретическом, так и в практическом планах выступать по отношению друг к другу по-разному: и как сопутствующие - сотрудничающие и как конкурирующие ценности, тесно переплетаясь друг с другом.

Имеет смысл напомнить, что некоторые общественные деятели выражали суть суверенизации более откровенно, чем теоретики и идеологи национального возрождения. "Республики, называя себя государствами, - вполне однозначно разъяснял Президент республики Саха (Якутия) Михаил Николаев, - ставят вопрос о своей собственности" (14).

Поэтому одна из задач этносоциологического опроса состояла в выявлении "плодов" суверенизации в оценках граждан суверенных республик.

Напомним, что тексты Деклараций о государственном суверенитете неоднократно публиковались в широкой печати. Более того, в Башкортостане накануне принятия ее Верховным Советом вниманию общественности было предложено немало альтернативных вариантов, большинство из которых были опубликованы ЦИМО ИЭА РАН в 3-х томном издании документов и материалов "Этнополитическая мозаика Башкортостана" в соответствии с планами серии "Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве" (15).

Несмотря на острейшую и изнурительную газетную полемику до и после принятия Декларации, интерес к ее содержанию со стороны широкой общественности оказался гораздо меньше, чем можно было ожидать. За два с половиной года лишь немногим более двух пятых городских башкир, одной трети городских русских и татар ознакомились с ее текстом. В городах Татарстана уровень интереса к Декларации оказался несколько выше: ее прочитали более половины татар, более двух пятых русских и почти треть чувашей (см.

табл. 6). Большинство горожан в обеих республиках текст Декларации не прочитали. Не исключено, что в сельской местности интерес населения к ней был не выше, чем в городах.

Складывается впечатление, что суверенизация, во всяком случае, в ее узком смысле, представляла более глубокий интерес прежде всего для тех, кто ее принимал, чем для тех, кому она была адресована и чьим именем она внедрялась в жизнь. Реализация Декларации о государственном суверенитете и манифестация "сверху" были более существенными, чем ее восприятие "снизу". Более того, внимание к ней "снизу", со стороны общественности различных населяющих республику национальностей было неодинаковым. Как и следовало ожидать, интерес к тексту Декларации со стороны представителей титульных наций оказался несколько больше, чем со стороны татар и русских в Башкортостане, русских и чувашей в Татарстане (см. табл. 6).

Таблица 6.

Интерес к тексту Декларации о государственном суверенитете
(в %, по итогам опроса).

Читали ли Декларацию о государственном суверенитете?

А) Башкортостан:		
	Да	Нет
башкиры	43.8	52.6
татары	35.0	65.0
русские	35.0	65.0
Б) Татарстан:		
татары	48.0	52.0
русские	44.6	55.5
чуваш	32.2	67.8

Поспешный вывод некоторых советологов об одновременном крахе советской империи и братства народов оказался не совсем корректным, с точки зрения отражения этого процесса в широких слоях населения. Да, действительно, на вершине партийной номенклатуры во время и на закате горбачевской перестройки вожди смертельно перессорились, но корни дружественных межнациональных отношений во многих регионах бывшего СССР, а особенно в бывших автономных республиках Российской Федерации остались.

Со временем становится очевидным, что суверенитет в республике понимался по-разному: часть титульного населения, и прежде всего взрослое городское население, особенно национальная интеллигенция и управленческий аппарат, конечно, воспринимали его как суверенитет прежде всего титульной нации, как установление фактической, а не декоративной национальной государственности, отсюда и ожидание от суверенитета прибавления оснований для создания приоритетов для своей нации в сфере управления, особенно в жизненно важных зонах с обострившейся конкурентностью.

Логика этого или типологически сходного разделения (или раскола) не менее наглядно проявила себя и в новейшей истории бывших союзных республик, ставших независимыми государствами. Так, например, независимость Украины воспринималась и осознавалась далеко не сходным образом населением Западной и Восточной Украины. Запад Украины под независимостью понимал чаще всего движение к украинской национальной государственности, т.е. государственности украинской нации, имеющей право на национальное самоопределение. На востоке Украины независимость связывалась прежде всего с надеждами достижения экономического расцвета и утверждения материального благополучия граждан, независимо от того, чьим государством станет Украина - одной только украинской нации или всего населения. Однако даже сравнительно короткий, трехлетний опыт "незалежной" истории, если отсчет независимости вести с августа 1991 г. до июля 1994 г., т.е. с документа о независимости до поражения Леонида Кравчука, ставшего первым Президентом Украины благодаря реактивной перекраске из идеолога коммунистов в идеолога националистов, показал, что две полярные идеи, соответственно исповедуемые

Западом (мононациональная государственность) и Востоком (этнополитическая независимость), несовместимы.

Активное участие Л.Кравчука в развале Советского Союза, записанное ему в его политический актив Западом Украины и Европой, стало причиной его поражения, которое нанес ему электорат Украины 10 июля 1994 г., отдав предпочтение Леониду Кучме. Как выясняется, народ не признает политических кульбитов, даже если их исполнителем является бывший секретарь ЦК, а затем и Президент республики.

Не-титульное население воспринимало суверенитет совсем по-другому: как такую, наполненную новым смыслом и содержанием автономию, при которой минимизируются федеральные налоги, облегчается доступ к естественным ресурсам и национальным (республиканским) богатствам, доходам, бюджету.

Здесь не место и не задача разбирать наличие внутренних противоречий в Декларации о государственном суверенитете Башкирской ССР (16). В целом для своего времени она была составлена грамотно, с учетом интересов "многонационального народа" республики, гарантировала и "равные права и свободы всем проживающим на ее территории гражданам, независимо от их национальности", объявляла носителем суверенитета и источником государственной власти в Башкирской ССР "ее многонациональный народ" и т.д. (17). Однако, наряду с указанными общедемократическими принципами, она все же давала некоторые основания башкирам надеяться на особые льготы и условия для своего развития. Так, например, в преамбуле выделялось "неотъемлемое право башкирской нации на самоопределение", а в одной из статей закреплялась необходимость государственного содействия "удовлетворению национально-культурных потребностей лиц башкирской национальности, проживающих за пределами республики" (18).

Анализ двухлетних плодов суверенизации отвечает, в известной мере, на вопрос, свершились ли чаяния народов, реализованы ли их ожидания (в зависимости от того, кто и что от нее ожидал).

Направленность изменений.

Похоже, что городские башкиры, больше, чем представители других национальностей, обрели в суверенизации то, чего хотели, или на что изначально были больше ориентированы. Без малого каждый четвертый башкир, и чуть немногим более четверти и татар, и русских не увидели никаких изменений за 3 года "суверенной" жизни. Группы скептиков, как видно по итогам опроса, у всех трех национальностей почти равны. В Татарстане следы суверенизации были несколько глубже, чем в Башкортостане. Об этом свидетельствует в два раза меньшая доля титульных татар по сравнению с титульными башкирами, не заметившими изменений (см.табл.7).

Соответственно похожи и, примерно, равновелики и группы тех, кто не заметил состоявшиеся перемены. Здесь также национальность не повлияла на долю представителей каждой из трех национальностей. Они были едины в одном: изменений в худшую сторону произошло гораздо больше, чем в лучшую (см.табл.7).

Не пытаясь определить уровень дискомфортных ощущений у каждой национальной группы, отметим, что доля "пессимистов" среди башкир всего лишь в полтора раза больше, чем доля "оптимистов", среди татар более, чем в четыре раза, и среди русских - в семь раз. Эти данные чрезвычайно выразительны и свидетельствуют о том, что национальности Башкортостана отнюдь не единодушны в оценке своей прошлой и настоящей истории. Данные настораживают и требуют дальнейшего, более углубленного анализа. В Татарстане мнения о направленности изменений оказались более полярными, чем в Башкортостане, для титульных русских и чувашей изменения, связанные с суверенизацией, однозначно шли в более худшую сторону. Среди русских доля людей, негативно оценивших суверенизацию, почти в четыре раза выше доли тех, кто считает, что произошли изменения в лучшую сторону, а среди чувашей - немногим более, чем в четыре раза (см.табл.7).

При выделении всех "оптимистов" в отдельный таксон, в его составе все три национальности, естественно, оказались представленными далеко неодинаково: в Башкортостане больше половины (53,3 %) его составляли - башкиры, и приблизительно в два раза меньше доля татар (26,7 %) и в 2,5 раза меньше была доля русских (20,0 %). В Татарстане контраст оказался еще разительнее: удельный вес оптимистов среди татар был выше, чем среди русских - в 3,4 раза, и выше, чем среди чувашей, в 10,6 раза. Полученные

данные подтвердили, во-первых, наличие полярных мнений о направленности изменений между титульным и нетитульным населением, во-вторых, выявили наличие оснований для неудовлетворенности русских и чувашей, и, наконец, в-третьих, свидетельствуют о глубоком кризисе в социальном самочувствии чувашского национального меньшинства в Татарстане.

Таблица 7.

**"Плоды" суверенизации в общественном мнении
городского населения Башкортостана и Татарстана
(в %, по данным опроса).**

Произошли ли какие-либо изменения после принятия Декларации о суверенитете?

	не произошли	в том числе: всего	произошли		нет ответа
			в лучшую сторону	в худшую сторону	в чем-то в лучшую, в чем-то в худшую
А) Башкортостан:					
башкиры	24.8	62.4	8.8	12.0	41.6
татары	26.6	61.5	4.6	19.4	37.5
русские	26.8	59.6	3.3	23.0	19.4
Б) Татарстан:					
татары	12.3	77.2	21.0	13.0	43.2
русские	15.0	72.1	6.2	24.7	41.2
чуваш	21.3	63.8	6.9	28.7	28.2

Закономерно возникает вопрос, в чем именно видят улучшения и ухудшения люди разных национальностей. Какова иерархия ценностей суверенизации? Кому и что она принесла?

Иерархия ценностей суверенизации.

Две соревнующиеся ценности - мобилизованный этницизм и личностное раскрепощение человека, отмеченные респондентами соответственно как национальное возрождение и рост самостоятельности и инициативы, заняли среди городского населения первые и вторые места. Иными словами, ни условия труда, ни материальное положение, ни проблемы быта и семейной жизни, ни экология и здоровье, не идут в сравнение с такими "достижениями" суверенизации, как подъем национального духа и демократизация. Эта истина могла бы выглядеть одновременно и очень серьезной и весьма банальной, если бы опрос не выявил в обеих республиках, и в Башкортостане и в Татарстане, наличия внутренних различий между национальностями.

Изменения к лучшему.

Для титульных национальностей однозначно улучшение состояло в национальном возрождении. Во всяком случае из 8 перечисленных для выбора ценностей позитивные сдвиги в национальном возрождении по самооценкам башкир в Башкирии и татар в Татарстане оказались на первом месте (22,9 % и 30,2%). Для татар и русских в Башкортостане, а также для русских и чувашей в Татарстане более привлекательными и утешительными оказались демократические ценности, связанные с ростом самостоятельности и инициативы (см.табл.8).

Таблица 8.

**"Плоды" суверенизации в общественном мнении
городского населения Башкортостана и Татарстана
(в %, по данным опроса).**

А) Башкортостан

Перемены к лучшему	башкиры	татары	русские
1. в национальном возрождении	22.9	15.3	9.2
2. в росте самостоятельности, инициативы	17.6	18.5	16.3
3. в материальном положении	3.9	3.5	3.9
4. в уважении к человеческому достоинству	2.8	1.5	1.8
5. в условиях труда	1.6	1.7	2.7
6. в быту и семейной жизни	1.0	0.5	1.2
7. в улучшении экологии	0.5	1.2	0.9
8. в состоянии здоровья	0.1	0.1	0.6
9. другой ответ или нет ответа	49.6	57.8	63.3
Итого:	100.0	100.0	100.0

Б) Татарстан:

Перемены к лучшему	татары	русские	чуваши
1. в национальном возрождении	30.2	12.1	8.4
2. в росте самостоятельности, инициативы	18.5	22.0	9.9
3. в материальном положении	5.4	5.2	5.4
4. в уважении к человеческому достоинству	6.3	2.7	4.0
5. в условиях труда	1.7	1.6	3.0
6. в быту и семейной жизни	1.8	2.7	4.0
7. в улучшении экологии	0.6	0.8	0.5
8. в состоянии здоровья	-	0.3	-
9. другой ответ или нет ответа	35.5	52.6	64.9
Итого:	100.0	100.0	100.0

Изменения к худшему.

В отличие от позитивных итогов суверенизации, ее негативы и "беды" оказались одинаковыми для населения Башкортостана практически независимо от его национальной принадлежности. Во всяком случае представители всех трех крупнейших национальностей в числе перемен к худшему на первое место единогласно поставили падение жизненного уровня и ухудшение материального положения, а на второе - рост преступности (см.табл.9).

Усиление напряженности в межнациональных отношениях оказалось на третьем месте среди перемен к худшему, замеченных и сознательно манифестированных в ходе опроса башкирами и русскими. У татарского населения Башкортостана экологические проблемы вызывают большую тревогу (почти в два раза), чем межнациональные отношения (см.табл.9).

В Татарстане с ее преимущественно двухполосной системой межнациональных отношений ситуация одновременно и, проще и сложнее. Оценка негативных последствий суверенизации оказалась однотипной среди титульных татар и чувашей. Среди тех и других наиболее высокой оказались группы людей, для которых "беды" суверенизации свелись, во-первых, к ухудшению материального положения, во-вторых, росту преступности. В оценках русских Татарстана расклад иной: среди негативных последствий суверенизации для них на первом месте рост преступности, на втором - ухудшение межнациональных отношений (см.табл.9).

Следовательно, несмотря на то разгорающуюся, то на затухающую борьбу-полемику в печати между лидерами и теоретиками башкирского и татарского национальных движений, что, кстати, находит адекватное отражение и в документах БНЦ и ТОЦ, линия возможного,

более глубинного напряжения проходит не между тюркоязычными, единоверными башкирами и татарами, как это может показаться с первого взгляда, а также по имиджу, созданному газетно-журнальными публикациями и телевизионными шоу-программами, а между тюркоязычными башкирами и славяноязычными русскими.

Таблица 9.

"Плоды" суверенизации в общественном мнении
городского населения Башкортостана и Татарстана
(в %, по данным опроса).

А) Башкортостан:

Перемены к худшему	башкиры	татары	русские
1. в материальном положении	21.2	19.9	19.3
2. возросла преступность	12.2	17.6	13.1
3. в межнациональных отношениях	6.7	4.0	7.9
4. в ухудшении экологии	6.2	7.8	7.0
5. в настроении	2.9	3.3	3.9
6. в условиях труда	2.6	2.3	2.7
7. в семейной жизни	0.9	0.9	0.9
8. в состоянии здоровья	0.9	1.2	1.6
9. другой ответ или нет ответа	46.4	43.0	43.6
Итого:	100.0	100.0	100.0

Б) Татарстан:

Перемены к худшему	татары	русские	чуваши
1. в материальном положении	20.0	16.6	23.8
2. возросла преступность	19.5	21.3	17.3
3. в межнациональных отношениях	8.9	17.3	6.4
4. в ухудшении экологии	2.0	2.0	.5
5. в настроении	2.5	5.6	4.0
6. в условиях труда	2.0	2.0	1.5
7. в семейной жизни	0.4	0.3	1.5
8. в состоянии здоровья	0.8	0.7	1.0
9. другой ответ или нет ответа	43.9	34.1	43.1
Итого:	100.0	100.0	100.0

В Башкортостане, как и в остальных бывших автономных республиках РСФСР, конечно, не было той оголтелой антирусской кампании, что была развернута лидерами народных фронтов в бывших союзных республиках Прибалтики. Не было обилия полемически заостренных статей с явной или скрытой антирусской направленностью, как это было в Молдове, частично в Белоруссии и на Украине. Тем не менее, ощутимые отголоски русофобии обнаруживают себя и среди городского башкирского и татарского населения. По крайней мере немногим более, чем каждый десятый башкир и татарин в городах Башкортостана ответили решительно "нет" на вопрос о том, оказали ли русские большую помощь в развитии других народов бывшего СССР, а еще треть башкир и более чем четверть татар ответили "да, но...". т.е. помогали, но далеко не всем и не во всех областях (см. табл.10). Общая оценка климата этнополитической ситуации и атмосферы межнациональных отношений вполне достаточны для выдвижения гипотезы о том, что в тех республиках, где русские негативно оценивают состояние межнациональных отношений, следует ожидать и наличие негативной установки на роль русских в истории нерусских народов. Почти четверть татар в городах Татарстана без утайки сообщили интервьюерам, что, по их мнению, русские не оказали большой помощи в развитии других народов бывшего СССР, или же их (русских) влияние на национальные культуры было скорее вредным, чем полезным (см.табл.10).

Таблица 10.

**Мнения о роли русских в развитии других народов в бывшем СССР
(в %, по данным опроса горожан).**

	Да	Помогали, но не всем и не во всех областях	Нет	Это был больше вред, чем помощь	Затрудняются сказать
А) Башкортостан:					
башкиры	28.0	32.2	12.0	8.3	19.5
татары	33.1	26.7	11.7	6.2	22.3
русские	67.3	18.1	1.8	1.0	11.8
Б) Татарстан:					
татары	23.4	26.4	14.7	10.2	25.4
русские	61.8	17.1	2.5	2.1	16.5
чуваши	63.4	13.4	1.5	1.0	20.8

Обращают на себя внимание установки "третьей стороны" - отношения к русским со стороны татар в Башкортостане и чувашей в Татарстане.

Позиции первых по "качеству" и направленности скорее совпадают с аналогичными установками титульной башкирской нации. Чувашское население Татарстана, напротив, не только высоко ценит помощь русских, но даже ставит его выше, чем делают это сами русские. Чуваша Татарстана, значительно уступая татарам Башкортостана по численности и по месту, занимаемому в составе населения республики, отставая от титульного татарского и русского населения по степени урбанизированности, свое будущее связывают не с тюркоязычными татарами, а с русскими.

Как будет показано ниже, чем меньше численность национальной группы, тем меньше у нее желаний адаптироваться в системе культуры титульной нации.

В Башкортостане вызывает интерес и обратная сторона этой позиции: удельный вес городских башкир, разделяющих мнение о положительной роли русских в развитии нерусских народов, составил 28.0 % и оказался, во-первых, в 3.4 раза больше доли башкир, убежденных в том, что русские принесли нерусским народам больше вреда, чем пользы, и, во-вторых, почти в 2.5 раза меньше, чем среди городских русских (см.табл.10). В целом же, если принять во внимание совокупные доли башкир, безоговорочно или с оговорками позитивно оценивших помощь русского народа в развитии других народов Союза, или, наконец, четко не определивших свою позицию по этому вопросу, (всего около 80.0%), то можно считать несколько преувеличенной постановку задачи в общегосударственном масштабе (на уровне проекта Программы, подготовленной для правительства Республики Башкортостана) преодолевать "бытующее у части нерусского населения мнение" о вине русского народа в этнических и других бедствиях нерусских этносов (19). Вероятно, столь же несостоятельной, по крайней мере применительно к национальностям Башкортостана, является еще одна, безосновательно раздутая задача по преодолению сложившегося у некоторой части представителей нерусских, в том числе титульных, народов "комплекса национальной неполноценности", состоящего в укоренившемся мнении о том, что будто бы "данная нация обречена быть отсталой, что она не может достигнуть таких высот этнического саморазвития, как русская и другие, имеющие более высокие показатели национально-культурного развития." Корни этого комплекса скорее всего залегают не в народе и не среди интеллигенции, а лишь у немногих национально озабоченных философов, пытающихся комплексы своей профессиональной неполноценности экстраполировать на часть национальной интеллигенции, без каких-либо оснований обвиняя последнюю в национал-нигилизме и нежелании бороться за суверенитет башкирской нации (20).

Резкая политизация этничности, радикализация требований лидеров БНЦ "Урал", конечно, нашла определенный отклик среди людей различной национальности Башкирии.

В первой половине 1993 г. этнополитические движения в одних республиках РФ набирали силу, в других ослабевали или мелели из-за разногласий между лидерами. К числу первых, по данным Федерального Министерства по делам национальностей и региональной политике, относились Всеосетинский Совет "Стыр нахас", общественно-политическое объединение "Наша Осетия", общественно-политическое движение в Дагестане ("Тенглик", "Бирлик", "Народный Фронт имени Шамиля", "Садвал", коми национальная партия "Дорьямс Асны-мэс", Бурят-Монгольская партия и др.) (21), к числу вторых - расколовшаяся Масторава - движение мордовского народа (22).

Поэтому чрезвычайно важно установить правомерность употребления термина "национальные движения", если под правомерностью понимать наличие некоей реальной социально-демографической базы каждого из них. Действительно, если идеи, принципы, задачи и лозунги самопровозглашенных движений поддерживаются в основном их теоретиками и лидерами, то вряд ли такие этнополитические группы можно именовать национальными движениями (23). В последнем случае скорее всего мы имеем дело с корпоративными объединениями, добивающимися определенных целей, например, увеличения количества часов радио- и телепередач, подготовить проект закона по делам своей национальности или, наконец, увеличить квоту для представителей данной национальности в законодательных или исполнительных органах власти.

Объявляя себя выразителями интересов своей нации и обретая таким образом право на выступление от имени целой нации, лидеры национальных движений надеялись вовлечь в создаваемые ими этнополитические организации как можно более широкий круг участников. В плену этого соблазна в первые переломные годы оказались не только журналисты, но и некоторые политики, деятели культуры и даже часть ученых. Укоренению этого термина в немалой мере способствовали и успехи народных фронтов Эстонии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины и некоторых других титульных наций в республиках бывшего Союза.

Между тем, успех национальных движений во многом зависел от того, насколько широкую поддержку они получали среди населения. Если активистам национального движения - теоретикам, организаторам, агитаторам и особенно лидеру удавалось убедить широкие круги общества в справедливости, актуальности и перспективности своих целей и задач, шансы такого движения, естественно, повышались. Однако, как показал опыт, одной реакции широких слоев населения на выдвинутые задачи мало. Необходимо, чтобы политизация масс влияла не только на настроения, но и воплощалась в тех или иных формах деятельности, например, в различных более или менее надежно и стабильно действующих организациях.

Опрос в Башкортостане, где национальные движения башкирского, татарского и русского народов конституировались на довольно высоком организационном и теоретическом уровне, показал наличие глубокого разрыва между информированностью граждан о существовании и деятельности этих движений, с одной стороны, и между принадлежностью к культурной или этнополитической организации, отстаивающей интересы своего народа: среди башкир доля первых была в 6.1 раза больше доли вторых, среди татар и русских соответственно в 6.8 и в 7.5 раза (см. табл. 11).

Серьезные отличия обнаружились и в мерах информированности граждан о "своих" и "не своих" национальных движениях. Самой высокой популярностью среди башкирского населения пользуется БНЦ: о его существовании и деятельности слышали или знают более чем каждый второй из пяти городских башкир. Менее всего информированы о "своем" национальном движении русские, среди которых удельный вес знающих в два раза меньше, чем среди татар. Даже городские башкиры больше осведомлены о движении русских, чем сами русские о себе (см. табл. 11).

Таблица 11.

**Информированность о существовании или деятельности национальных движений
отдельных национальностей
в Республике Башкортостан и принадлежности к культурной или этнополитической
организации своей национальности
(в %, по данным опроса).**

	Знают ли о существовании или деятельности общественного движения, защищающего интересы:		Принадлежат ли к культурной или этнополитической организации своей национальности:	
	Да	Нет	Да	Нет
А. Башкир				
башкиры	44.1	55.9	7.2	92.8
татары	31.1	68.9	-	-
русские	23.3	76.7	-	-
Б. Татар				
татары	31.5	68.5	4.6	95.4
башкиры	25.8	74.2	-	-
русские	17.8	82.2	-	-
В. Русских				
башкиры	22.8	77.2	-	-
татары	17.6	82.4	-	-
русские	15.7	84.3	2.1	97.9

Как и в Башкортостане, осведомленность городского населения Татарстана о деятельности национальных организаций была в целом выше, чем конкретное участие в движении за возрождение. Абсолютное большинство горожан в ходе опроса указало, что не принадлежит к этнополитическим организациям либо культурным центрам. При этом представители татар и русских гораздо больше знали об общественных движениях, защищающих интересы татар, чем интересы русских и чувашей. Среди чувашского населения доля людей, хорошо знающих о деятельности протатарских движений, оказалась гораздо меньше тех, кто не знал об этом (см.табл.12).

В отличие от Башкортостана, где движение титульной нации по сути породило два других движения - татарское и русское, в Татарстане этого не случилось. Во всяком случае общественное мнение совсем не брало в расчет движение за возрождение группы чувашского населения, и лишь немногим более четверти русских и татар указали, что они знают о существовании движения, защищающего интересы русских в Татарстане (см.табл.12).

**Информированность о существовании или деятельности национальных движений в
Республике Татарстан и принадлежность к культурной или этнополитической организации
своей национальности
(в %, по данным опроса).**

	Знают ли о существовании или деятельности общественного движения, защищающего интересы:		Принадлежат ли к культурной или этнополитической организации своей национальности	
	Да	Нет	Да	Нет
А. Татар				
татары	75.3	24.7	4.5	95.5
русские	68.4	31.6	-	-
чуваши	39.1	60.9	-	-
Б. Русских				
татары	29.6	70.4	-	-
русские	26.9	73.1	1.6	98.4
чуваши	7.4	92.6	-	-
В. Чувашей				
татары	7.5	92.5	-	-
русские	3.1	96.6	-	-
чуваши	8.4	91.6	1.0	99.0

Узкая и слабая социальная база национальных движений в Башкортостане объясняется низким уровнем политической ангажированности населения. Так, например, выявилось, что на формирование политических взглядов городского башкирского населения меньше всего оказывает влияние непосредственное участие граждан в политической деятельности. Доля последних, в частности, оказалась минимальной, составив, по данным опроса, всего 3.4% среди башкир, 2.3% среди татар и 2.2% среди русских. Нетрудно заметить, что эти показатели, во-первых, тесно корреспондируют с данными о принадлежности респондентов к какой-либо из культурных или национальных организаций (клубы, ассоциации, землячества, объединения). Во-вторых, они резко контрастируют с данными о влиянии на формирование политических взглядов других факторов: влияние фактора "участие в политике" в несколько десятков раз слабее, чем влияние всемогущих средств массовой информации и в первую очередь - телевидения, которое и в Башкортостане и в Татарстане безоговорочно занимает лидирующее положение по сравнению со всеми остальными, едва ли не вместе взятыми (см.табл.13).

**Факторы, формирующие политические взгляды,
(в %, по данным опроса).**

Что больше всего оказывает влияние на формирование политических взглядов?

	А.Башкортостан			Б.Татарстан		
	башкиры	татары	русские	татары	русские	чуваши
Телевидение	67.0	63.3	70.5	72.4	69.5	81.7
Радио	19.0	17.1	17.6	25.4	26.2	37.0
Периодическая печать	36.4	27.7	33.0	35.0	40.3	39.6
Участие в политической деятельности	3.4	2.3	2.3	4.1	2.0	2.0
Мнение ближайшего окружения	18.7	18.4	17.6	19.0	19.2	15.4

Языковая лояльность и межнациональная толерантность.

Камнем преткновения в понимании сути и содержания суверенизации является неоднозначный подход к проблеме государственного языка, и в частности, к количеству языков в многонациональной республике, которым надлежит придать статус государственных. Тут, пожалуй, больше всего сломано копий, выпущено полемических стрел.

Лидеры и активисты национальных движений, выступающие от имени титульной нации, естественно, исходят из глобальной идеи деколонизации и по особому понимаемым задач национального возрождения. Принимая в расчет опыт мобилизованного лингвизма, обеспечившего победу этническим элитам в целом ряде бывших союзных республик, новые лидеры национальных движений в бывших автономных республиках Российской Федерации однозначно настроены придать статус государственного лишь языку титульной нации, имеющей, по их логике, монопольное право на построение такой национальной государственности, в которой язык титульной нации должен быть языком власти, а власть государственного языка не должна быть разделяема с другими языками. Однако мало кто задавался вопросом, насколько эта позиция разделяется представителями своей и иных национальностей.

В общественном мнении Башкортостана идея одного государственного языка решительно не находит широкой поддержки. Лишь двое из сотни опрошенных русских и только 9 человек из сотни опрошенных татар в городах республики в той или иной мере выразили свое согласие с утверждением, что башкирский язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка в Башкортостане (см. таб. 14).

В целом, сходным образом распределились мнения среди представителей 3-х национальностей в городах Татарстана, где без малого четверть татар предпочли рассматривать татарский язык в качестве единственного государственного языка в Татарстане. Среди чувашей не нашлось ни одного человека с таким мнением, а среди русских - всего лишь 1.7% (см. табл. 15).

Среди городских башкир без малого лишь каждый четвертый выразил полное или частичное согласие с указанным подходом. Остальная же часть выявила иной взгляд: около двух третей городских башкир выразила свое несогласие и еще каждый десятый затруднился ответить на данный вопрос (см. таб. 14).

Потенциально возможное или же уже реализованное придание языку титульной нации статуса государственного языка оказывает сильнейшее психологическое давление на русских и представителей отдельных (не-титульных) национальностей. Человек, не владеющий государственным языком, как без крыши над головой, чувствует себя неуютно. Он, как бы соизмеряет свои возможности овладеть еще одним языком, и, предвидя немалые трудности, внутренне сопротивляется или открыто протестует.

Таблица 14.

**Отношение к башкирскому языку как единственному государственному языку
Башкортостана и языку гражданства республики
(в %, по данным опроса).**

А. Согласны ли с утверждением, что башкирский язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка в Башкортостане?

	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
Башкиры	23.8	64.8	11.4
Татары	9.2	83.7	7.1
Русские	1.5	94.7	3.8

Б. Согласны ли с утверждением, что гражданами Башкортостана с правом на голосование могут быть только те, кто владеет башкирским языком?

	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
Башкиры	10.3	81.4	8.3
Татары	4.4	88.9	6.5
Русские	0.1	94.8	4.2

Таблица 15.

**Отношение к татарскому языку как единственному государственному языку Татарстана и
языку гражданства Республики Татарстан
(в %, по данным опроса)**

А. Согласны ли с утверждением, что татарский язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка в Татарстане?

	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
татары	23.3	66.8	9.9
русские	1.7	95.8	2.5
чуваши	-	90.6	9.4

Б. Согласны ли с утверждением, что гражданами Татарстана с правом на голосование могут быть только те, кто владеет башкирским языком?

	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
татары	12.0	79.0	9.0
русские	2.8	93.7	3.5
чуваши	2.5	92.9	5.0

Таблица 16.

**Национальный состав групп населения с разным подходом к признанию языка титульной нации единственным государственным языком республики
(в %, по данным опроса).**

Согласны ли с утверждением, что башкирский (татарский) язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка Башкортостана (Татарстана)?

А) Башкортостан			
	башкиры	татары	русские
безусловно согласны	71.7	24.8	3.4
скорее согласны	67.9	26.9	5.2
скорее не согласны	46.9	35.1	18.0
безусловно не согласны	17.1	32.5	50.3
затрудняются сказать	52.0	30.7	17.3
Б) Татарстан:			
	татары	русские	чуваши
безусловно согласны	94.0	6.0	-
скорее согласны	92.6	7.4	-
скорее не согласны	61.1	29.9	9.0
безусловно не согласны	25.7	58.8	15.5
затрудняются сказать	65.4	16.8	17.8

Таблица 17.

**Национальный состав групп населения с разным подходом к признанию гражданами республики с правом на голосование только тех, кто владеет языком титульной нации
(в %, по данным опроса).**

Согласны ли с утверждением, что гражданами Башкортостана (Татарстана) с правом на голосование могут быть только те, кто владеет башкирским (татарским) языком?

А) Башкортостан:			
	башкиры	татары	русские
безусловно согласны	63.2	26.5	10.3
скорее согласны	70.7	27.6	1.7
скорее не согласны	49.9	32.2	17.9
безусловно не согласны	24.8	32.7	42.5
затрудняются сказать	44.4	33.3	22.2
Б) Татарстан:			
	татары	русские	чуваши
безусловно согласны	72.7	15.9	11.4
скорее согласны	80.3	19.7	-
скорее не согласны	63.9	27.2	8.9
безусловно не согласны	33.1	52.5	14.4
затрудняются сказать	64.6	25.3	10.1

Несколько иной подход обнаруживается к государственному языку и к тому, должен ли владеть им Президент Республики. Подавляющее большинство городских башкир, около трех четвертей татар и около двух третей русских безусловно или скорее согласны с тем, чтобы в законодательном порядке Президент Башкортостана свободно владел башкирским (как государственным) языком (см. таб. 18).

Аналогичная позиция в Татарстане имеет гораздо более широкое распространение. Девять татар из десяти и каждые трое из четырех русских полагают, что в соответствии с законом Президент Татарстана должен свободно владеть татарским языком (см. табл. 18).

Признание за Президентом как высшим должностным лицом суверенной республики гражданского (и профессионального) долга свободно владеть языком титульной нации свидетельствует о высокой степени уважительного отношения татарского и русского населения к титульным народам Башкортостана и Татарстана, их самобытным культурам, к многовековому опыту совместного проживания. Солидарность с башкирами и татарами в этом вопросе представляет собой одновременно и признание права на национальную гордость народа, именем которого названа каждая республика, и понимание того, что представители органов управления, включая и самого главного, должны свободно владеть языком башкирского народа. Конечно, среди башкир удельный вес тех, кто безусловно согласен (63.2 %) с тем, чтобы Президент Башкортостана свободно владел башкирским языком, больше, чем среди татар (49.2 %) и среди русских (34.9 %). Но в конечном счете, если принимать в расчет совокупную долю толерантно настроенных татар и русских, разница в показателях как бы теряет свое принципиальное значение (см. табл. 18). Более того, языковая лояльность татар и русских в отношении башкирского языка не является односторонней и безответной. Всего лишь каждый десятый башкир требует от граждан Башкортостана с правом на голосование владение башкирским языком. Подавляющее же большинство башкир (89.7 %) безусловно или скорее не согласны с тем, что для получения гражданства Башкортостана не-башкирам следует овладеть башкирским языком. Сюда же относятся и те, кто затруднились дать ответ на этот вопрос (см. табл. 18).

Как известно, в прибалтийских странах политическое развитие (24) привело к законодательному утверждению моноэтнической государственности, были приняты законы **о гражданстве**, согласно которым гражданами этих государств могли стать только те, кто **владеет государственным языком**. По итогам многих международных экспертиз, подобные законы являются дискриминационными, и вызывают осложнения в отношениях России с этими государствами, способствуют падению их престижа в мировом общественном мнении (25).

Языковая толерантность и понимание языковых обязанностей Президента не означает механической экстраполяции на его этническую принадлежность. Здесь позиции башкирского населения и русских расходятся. В отличие от городских башкир, более половины которых полагают, что в соответствии с законом Президент Башкортостана должен быть башкиром по национальности, татары и русские не согласны с такой постановкой вопроса. Более того, они решительно возражают против этого. Во всяком случае более двух третей городских татар и преобладающее большинство русских (86.1 %) скорее и безусловно не согласны, чтобы Президент Башкортостана в законодательном порядке был башкиром по национальности, или же затрудняются высказаться по этому поводу (см. табл. 18).

Нелегким оказался этот вопрос и для самих башкир, среди которых 12.4 % затруднились дать ответ и еще 29.4 % высказали свое несогласие с этим в мягкой или жесткой форме (см. табл. 18).

В Татарстане сложилась сходная ситуация, полярность мнений между титульной нацией и остальным населением оказалась выраженной в более жесткой форме: две трети татар "за" то, чтобы президент республики был татарин по национальности, в то время, как две трети русских и чувашей - "против" (см. табл. 18).

В отличие от Башкортостана в Татарстане меньше всего сомневающимися среди татар - всего 7,6%, и особенно много среди чувашей - 15,8%. Сомнения башкир понятно: составляя всего лишь одну пятую часть населения они прекрасно понимают малообоснованность своих претензий иметь президентом обязательно человека башкирской национальности. Там же, где доля титульной нации составляет хотя бы половину населения республики, как, например, в Татарстане, желание иметь "своего" президента представляется вполне уместными. Это и отражено в итогах опроса.

**Отношение к языку и национальной принадлежности
Президента Башкортостана (Татарстана).**

А) В соответствии с законом Президент Башкортостана должен:

	свободно владеть башкирским языком			быть башкиром по национальности		
	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	затрудня-ются ответить	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	затрудня-ются ответить
башкиры	87.4	8.0	4.5	58.2	29.4	12.4
татары	71.1	21.4	7.4	32.5	58.4	9.1
русские	62.7	29.2	8.2	13.9	76.5	9.6

Б) В соответствии с законом Президент Татарстана должен:

	свободно владеть татарским языком			быть татариним по национальности		
	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	затрудня-ются ответить	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	затрудня-ются ответить
татары	90.0	6.4	3.5	65.8	26.7	7.6
русские	76.5	15.1	6.2	25.6	64.3	10.2
чуваши	72.3	15.3	12.4	17.8	66.3	15.8

Особое значение законов о государственном языке, к сожалению, не достаточно раскрытое в литературе, состоит в разграничении и конституировании языковых прав граждан и языковых обязанностей должностных лиц. Ясно, что проблема языковой компетенции и речевого поведения должностных лиц входит в сферу жизненно важных интересов и личности, и государства. В многонациональном государстве (в т.ч. суверенной республике) эта проблема непосредственно затрагивает профессиональные интересы сотен тысяч людей. Более чем половина городских башкир считают, что в соответствии с законом люди, находящиеся на государственной службе Башкортостана, должны свободно владеть двумя языками - башкирским и русским. Такого же мнения придерживается более чем двое из пяти городских русских. Среди городских татар наиболее крупной оказалась доля тех, кто считает, что должностным лицам по закону полагается владеть тремя языками: башкирским, русским и татарским (см. табл.19). Иными словами, концепция башкирско-русского двуязычия в государственной сфере является доминирующей для совокупного большинства городского населения Башкортостана.

Концепция двуязычия для категорий должностных лиц (госсфера) занимает доминирующее положение и в Татарстане. При этом наиболее широко этой точки зрения придерживаются представители титульной нации: 86% городских татар полагают, что в соответствии с законом люди, находящиеся на государственной службе, должны свободно владеть двумя языками - татарским и русским (см.табл.19). Такого же мнения придерживаются солидарные с татарами 68,4% русских. Что касается чувашского национального меньшинства, то среди них нет однозначного отношения к этому. Желанием сохранить язык своей национальности и одновременно иметь хоть какие-то перспективы для социально-профессиональной карьеры обусловлены голоса одной четверти чувашей, отданные за "только один русский язык", еще одной четверти - за три языка "татарский, русский и чувашский", и лишь 45,5% голосов за самую разумную, конституированную законом модель, состоящую из взаимодействия двух языков - татарского и русского.

Вместе с тем, в Башкортостане требуют дополнительного внимания и два других фактора, один из которых вводит в поле зрения языковые потребности татар, требующих выдвижения языка своей национальности в государственную сферу, и другой, назовем его условно "языковым эгоизмом" тех русских, для которых на втором месте (после сочетания русского и башкирского языков) оказался наиболее желательным русский язык в единственном числе (см.табл.19).

**Отношение к языку должностных лиц республики
Башкортостана и Татарстана
(в %, по данным опроса).**

А) Каким языком (языками) в соответствии с законом должны свободно владеть люди, находящиеся на государственной службе в республике Башкортостан?

	только одним языком			двумя языками			тремя языками	трудно сказать
	баш..	тат.	рус.	баш.+ рус	тат.+ рус.	баш.+ тат.		
Башкиры	5.5	-	4.4	56.8	-	-	24.1	8.1
Татары	1.3	-	7.7	25.5	7.4	-	45.3	10.3
Русские	-	-	26.9	42.3	-	-	17.3	12.5

Б) Каким языком (языками) в соответствии с законом должны свободно владеть люди, находящиеся на государственной службе в республике Татарстан

	только одним языком		двумя языками	тремя языками	трудно сказать
	татарским	русским	тат.+рус.	тат.+рус.+ чув.	
Татары	2.4	3.1	86.0	3.8	4.7
Русские	-	16.1	68.4	3.5	11.8
Чуваши	-	24.3	45.5	24.3	5.9

В таблицу не включены ответы, составившие менее 1.0%.

Если языковая лояльность и взаимная межэтническая толерантность имеют место, то они, по-видимому, могут проявляться не только по отношению к одному из многих возможных способов решения проблемы государственного языка. Не менее интересны сопоставления альтернативных вариантов. Одним из таких предложений, выдвинутых Татарским общественным Центром, и включенным в его программные документы (26), является требование придать статус государственного языка Башкортостана наряду с башкирским еще двум языкам - русскому и татарскому. Относительно большой удельный вес башкир, татар и русских в той или иной форме, полностью или частично, одобрявших идею государственного трехязычия, свидетельствует о стремлении этой части населения к достижению консенсуса в этом ключевом вопросе этнополитики.

Понятно, что с точки зрения финансовой стоимости и реальности одновременное функционирование трех госязыков весьма проблематично. Но не менее проблематично и введение только одного из них, что неизбежно привело бы к межнациональному альянсу носителей двух других языков - против носителя государственного языка.

Идею трех государственных языков, как видно из показаний опроса, больше всего поддержали городские татары, меньше всего - башкиры. Размах вариаций, свидетельствующий о полярности их позиций по этому вопросу, составил 23.7%. Промежуточную позицию заняли русские. В то время как для татар государственное трехязычие является едва ли не единственным логически допустимым шансом самоутверждения, для русских не исключены иные варианты, например, два государственных языка при сочетании русского и башкирского. Для татар, разумеется, типологически сходный вариант государственного двуязычия (башкирский + татарский) мало реален.

Обращает на себя внимание позиция представителей титульной нации. Удельный вес городских башкир, безоговорочно или полностью поддержавших идею трех государственных языков, почти в два раза превысил долю тех, кто "проголосовал" за башкирский язык в качестве единственного государственного языка. Важную роль здесь сыграло, конечно, не желание установить полное языковое равноправие, сколько психологическая установка на такое решение вопроса, которое не ущемляло бы ничьих национальных интересов. Насколько трёхязычие, возведенное в ранг государственной языковой политики, практично и целесообразно - это уже другой вопрос.

Важно еще раз подчеркнуть наличие значительной прослойки населения среди башкир, русских и особенно среди татар, поддерживающих идею государственного трехязычия. Во всяком случае среди тех, кто "полностью одобряет" и "скорее одобряют" эту идею соответственно 43.6% и 35.0% составили лица татарской национальности (см.табл.20).

Таблица 20.

Национальный состав групп городского населения Башкортостана, занимающих различные позиции в отношении придания статуса государственного трем языкам: башкирскому, русскому и татарскому (в %, по данным опроса).

Одобрят ли требования ТОЦ придать статус государственного языка Башкортостана наряду с башкирским татарскому и русскому языкам?

	башкиры	татары	русские
полностью одобряют	20.8	43.6	35.6
скорее одобряют	33.9	35.0	31.2
относятся безразлично	39.8	23.6	36.7
скорее не одобряют	46.3	19.7	33.9
категорически не одобряют	46.0	13.0	0.9

Особого анализа заслуживают этнополитические аспекты языковых самооценок и выраженных установок татарского населения Башкортостана. Опрос показал, что по многим политизированным аспектам языковой жизни установки татар занимают промежуточное, хотя и не всегда строго срединное положение между установками башкирского и русского населения, тяготея, как правило, то к одним, то к другим, в зависимости от ситуации, сферы употребления языков и соотношения языковых прав граждан и языковых обязанностей должностных лиц. Так, например, по вопросам о башкирском языке как единственном государственном о необходимости владеть башкирским языком, чтобы иметь гражданство Башкортостана, о необходимости Президенту суверенного государства Башкортостана свободно владеть башкирским языком или быть башкиром по национальности, позиции городских татар близки позициям городских русских.

Действительно, формирование языковых установок татар в Башкортостане происходит в довольно сложном положении. С одной стороны, с башкирами их связывает родственная этноязыковая и этноконфессиональная принадлежность, с другой - над ними висит угроза башкиризации, как это было в определенные периоды истории их межкультурных взаимоотношений.

Политизация проблемы языка, введение его в сферы государственного управления, делопроизводства, науки, культуры, образования, - все это вольно или невольно создает преимущества носителям государственного языка, ущемляет интересы тех, кто ими не является, поляризуя установки представителей первых и вторых. В другом случае, когда речь идет о необходимости овладения языком титульной нации в свободном режиме, без законодательного установления и правительственного "давления", конфронтация между национальностями также не смягчается, размах вариации между полярными позициями не сокращается. Так, например, каждый десятый русский и 16.8% татар считают, что все лица, проживающие в Башкортостане, должны свободно владеть башкирским языком (см.табл.21).

Размах вариации, а, следовательно, и полярность позиций между башкирами и русскими достигает 24.7%, т.е. такой же величины, как и в случае с тем, когда от Президента Башкортостана требуется свободное владение башкирским языком (см.табл.18 и 21).

Чрезвычайно показательно в этом вопросе (в сравнении с Башкортостаном) мнение национальностей Татарстана. Здесь уже не одна треть (как среди башкир в соседней республике), а каждый второй татарин считает, что все лица, проживающие в Татарстане должны свободно владеть татарским языком и не каждый десятый, а каждый пятый русский также согласен с этой установкой.

Вывод очевиден: чем крупнее доля титульной национальности, тем естественнее для нее самой и для представителей других национальностей, и прежде всего для русских, понимание необходимости владеть ее языком.

Таблица 21.

Отношение к необходимости свободного владения языком титульной нации всем жителям Республики независимо от их национальной принадлежности
(в %, по данным опроса).

А) Должны ли все лица, проживающие в Башкортостане, свободно владеть башкирским языком?

	да	нет	трудно сказать
Башкиры	34.8	47.4	17.9
Татары	16.8	65.1	18.1
Русские	10.1	79.1	10.8

Б) Должны ли все лица, проживающие в Татарстане свободно владеть татарским языком?

	да	нет	трудно сказать
Татары	52.0	31.9	16.1
Русские	21.3	57.4	21.3
Чуваши	14.4	62.9	22.8

Возрождение языков. Потребности. Рейтинги. Перспективы.

Усиленное внимание к проблемам государственного языка со стороны лидеров этнополитических организаций, обильные газетно-журнальные публикации, уже проявившие себя результаты "войны законов" о языках, положившие начало распаду СССР, - эти и другие факторы катализировали общественное мнение россиян, подвели граждан к осознанию необходимости свободного владения и рационального употребления языка своей национальности в различных сферах общественной жизни. Возникло стремление более четко, чем прежде, определить соотношение между "спросом" и "предложением" на каждый из языков в случае их попеременного или параллельного употребления. При этом сами отношения между языками характеризовались в разных терминологических системах достаточно широко: от сотрудничества до конкуренции.

Одной из наиболее наглядных сфер языкового взаимодействия (распределения функциональной нагрузки языков) являются средства массовой коммуникации. Именно к этой сфере чаще обращается национальное самосознание, сюда адресуются претензии, когда имеют место случаи языковой дискриминации. И, размышляя на тему о том, достаточно или недостаточно ведутся радио- и телепередачи на языке своей национальности, печатаются газеты и журналы, выпускаются книги, создаются и дублируются фильмы, люди вольно или невольно сравнивают взаимодействие языков по различным параметрам, в том числе по продолжительности передач в эфире, по количеству наименований книг, их тиражности и т.д.

До начала перестроечных процессов средства массовой коммуникации Башкортостана и Татарстана работали преимущественно на русском языке. Ясно, что потребности лиц не русской национальности полностью не удовлетворялись. Это и было использовано лидерами башкирского и татарского национальных движений для закладки фундамента под свои политические программы, первоначально ориентированные преимущественно на культурно-языковые ценности. О ценностях - разговор особый. Однако предварительно можно заметить, что осознание, ощущение и понимание национальных интересов в области языка и культуры не совсем и не всегда совпадали у лидеров, политиков, экспертов и более

широких народных масс. Кроме того, финансовые и технологические возможности не всегда позволяли быстро переключиться с одного языка на другой.

Именно поэтому весной 1993 г. в Башкортостане лишь для немногим более четверти городских татар количество радио- и телепередач на татарском языке осознавалось достаточным, остальные три четверти татар были не удовлетворенными количеством радио- и телепередач на татарском языке.

Большинство русских (не менее трех четвертей городских жителей) существующее положение дел, т.е. количество радио и телепередач вполне устраивало. Размах вариации между крайними группами "удовлетворенных" среди русских и татар составил 47% (см.табл.22).

Однако складывается впечатление, что, как бы ни достаточно было своего языка, его все равно мало. Удельный вес опрошенных среди всех трех национальностей Башкортостана, отметивших полный или частичный недостаток радио- и телепередач на языке своей национальности, оказался выше, чем доля информаторов этой же национальности, признавших недостаточными передачи на ином национальном языке. Подобной национальной интравертности не избежали даже русские, которым, казалось бы, не было никаких оснований быть обиженными на "количество" русскоязычных радио- и телепередач (см.табл.22).

Что касается татар и башкир, то они, остро ощущая недостаток передач на языке своей национальности, одновременно взаимно оценивали как недостаточные передачи как на башкирском, так и на татарском языках, по крайней мере, в сравнении с русскоязычными передачами. По мнению городских татар, в частности, передач на башкирском языке в 4.3 раза больше, чем на русском, а по мнению башкир, недостаток передач на татарском в 3.2 раза больше, чем на русском (см.табл.22).

Таблица 22.

Потребности в использовании языков своей и не-своей национальности в работе средств массовой коммуникации Башкортостана
(в %, по данным опроса).

А. Достаточно радио- и телепередач.

	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на башкирском	на русском
Татары	27.7	-	54.0	88.8
Башкиры	41.1	37.3	-	86.4
Русские	74.7	53.6	73.3	-

Б. Не достаточно и не вполне достаточно.

	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на башкирском	на русском
Татары	59.0	-	30.8	7.1
Башкиры	51.9	29.0	-	8.9
Русские	20.7	10.7	6.1	-

Осенний опрос в Татарстане позволил выявить картину, во многом сходную с Башкортостаном. Двое из пяти татар и почти трое из четырех русских были вполне или полностью удовлетворены количеством телепередач (см.табл.23). Серьезного внимания требуют потребности чувашского национального меньшинства, среди которого в городах лишь 4,9%, т.е. только каждый двадцатый удовлетворен наличием передач на чувашском языке. Три четверти представителей городских чувашей считают себя обиженными. Работа средств массовой информации на чувашском языке их не устраивает. Видимо, руководству республики имеет смысл серьезно заняться не только улучшением ретрансляций передач из Чебоксар, но и организацией обеспечения на чувашском языке непосредственно из Казани.

**Потребности в использовании языков своей и не-своей национальности
в работе средств массовой коммуникации Татарстана
(в %, по данным опроса).**

А. Достаточно радио- и телепередач.

	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на русском	на чувашском
Татары	39.4	-	84.2	10.9
Русские	72.8	60.6	-	6.8
Чуваши	4.9	75.2	76.2	-

Б. Не достаточно и не вполне достаточно.

	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на русском	на чувашском
Татары	47.1	-	20.2	9.6
Русские	8.8	6.3	-	7.1
Чуваши	73.7	7.5	15.8	-

В. Затрудняюсь ответить.

Татары	13.5	-	7.1	85.5
Русские	7.1	33.0	-	86.2
Чуваши	15.3	17.3	7.9	-

При сопоставлении перспектив функционального развития каждого из трех языков важен учет не количества "голосов", поданных за каждый из них, а взаимная оценка шансов каждого из них. При таком подходе и обнаруживается, что в Башкортостане, к примеру, наименее перспективными представляются шансы татарского языка. Самооценка "изнутри" и "извне" совпали. Как сами татары, так и башкиры с русскими, оказались единодушными в оценке недостаточности радио- и телепередач на татарском языке.

Суверенизацию важно оценивать не только с позиций того, что уже свершилось, но и с позиций дальнейших предъявляемых ей ожиданий. При этом оценка должна быть привязана к реальной стороне жизни и доступной для понимания большинством населения. Таким, в частности, является вопрос о роли языка каждой из национальностей в социально-профессиональной карьере: поможет или не поможет знание башкирского, татарского, чувашского или русского языков получить высокооплачиваемую или престижную работу в суверенном Башкортостане или Татарстане.

Перед тем, как оценивать итоги этого, назовем его рейтинговым, голосованием, имеет смысл обратить внимание на распределение сомнений в размышлениях на заданную тему. Больше всего затруднений при ответе на этот вопрос испытали городские башкиры и татары оценивая перспективы языков друг друга. Соответственно 39.8% и 34.4% опрошенных оставили этот вопрос без ответа.

В Татарстане этот вопрос также оказался трудным для ответа, и в первую очередь, для чувашского меньшинства, две пятых которых не взялись судить о татарском и четверть - о русском языках. Самооценки татарского и русского городского населения по рейтингу своего языка и языка-партнера оказались близкими. Так, например, среди горожан-татар 39,5% назвали перспективным татарский, а 35,1% - русский языки, среди горожан-русских соответственно - 40,2% и 30,6%. Иными словами, современное положение и статус, а следовательно, и возможности функционального развития татарского языка в Башкортостане и чувашского в Татарстане, а также перспектива их более широкого использования весьма проблематичны.

С точки зрения "спутника" и "помощника" социально-профессиональной карьеры, наиболее высоким в общественном мнении представителей всех трех национальностей в

Башкортостане оказался рейтинг русского языка. Это подтвердилось в самооценках как языка своей, так и иной национальности (см.табл.24).

Самую высокую самооценку позволили себе русские, почти половина из которых указала, что знание русского языка окажется полезным для получения более высокооплачиваемой или более престижной работы. Несколько хуже оценили русские шансы башкирского и совсем низко - татарского языков. Разница между самооценкой и инооценкой в первом случае составила 25.5%, во втором - 38.5%. Разрыв оказался весьма значительным. Бесперспективность функционального расширения татарского языка относительно хорошо понимают и осознают сами городские татары, установившие языку своей национальности самую низкую планку, оценив при этом шансы русского языка в два раза выше, чем шансы башкирского и почти в полтора раза выше, чем шансы татарского языка.

Весьма реалистичными оказались распределения самооценок и инооценок среди башкир, оценивших шансы своего языка ниже русского (с разрывом в 19.6%) и значительно выше, чем татарского - (с разрывом в 42.1%). В Татарстане рейтинг татарского языка был оценен хоть и не намного, но все же выше, чем рейтинг русского языка, как самими татарами, так и русскими. Чувашаи отдали свои предпочтения русскому языку (см.табл.24).

Таблица 24.

Рейтинги перспективности языков в сфере социально-профессиональной мобильности
в оценках городского населения Башкортостана и Татарстана
(в индексах (*), по итогам опроса).

А) Знание языков поможет получить высокооплачиваемую или более престижную работу в Башкортостане

	Знание языка своей национальности	Знание языка другой национальности		
		татарского	башкирского	русского
Татары	0.4	-	0.5	1.5
Башкиры	1.0	0.2	-	2.8
Русские	1.6	0.1	0.4	-

Б) Знание языков поможет получить высокооплачиваемую или более престижную работу в Татарстане.

	Знание языка своей национальности	Знание языка другой национальности	
		татарского	русского
Татары	1.4	-	1.2
Русские	0.9	1.5	-
Чуваши	-	1.6	3.2

$$*) \text{ Индекс рейтинга языка} = \frac{\% \text{ положительных ответов}}{\% \text{ отрицательных ответов}}$$

В Башкортостане и башкирам и татарам оптимальным вариантом обучения детей в школе представляется сочетание языка своей национальности с русским языком, русские предпочитают обучать детей в школах с русским языком обучения. К сожалению, масштабы "электоратов" всех трех моделей - башкирско-русской, татарско-русской и русской - не совпадают (см.табл.25). Отсюда следует, что правительству Башкортостана необходимо всерьез думать о дифференцированном подходе к формированию и проведению в жизнь школьной политики с учетом ее языкового аспекта. При этом особого внимания заслуживает башкирско-русская модель, за которую, кроме башкир, отдали свои предпочтения более четверти русского населения и почти каждый десятый татарин (см.табл.25).

Таблица 25.

Отношение к языку обучения своих детей в школах Башкортостана. *)
(в %, по данным опроса).

Желательно обучать своих детей в школе (сейчас или в будущем).

	только на одном языке			на двух языках		на трех языках	
	баш.	тат.	рус.	баш.+ рус	тат.+рус.	баш.+ тат.	
Башкиры	8.1	-	6.6	62.8	4.0	1.8	12.0
Татары	-	3.3	13.0	9.6	38.1	-	25.0
Русские	-	-	54.1	28.3	3.4	-	6.6

*) В таблицу не включены сведения о башкирах (5.6%), русских (7.6%) и татарах (8.7%), затруднившихся дать ответ на поставленный вопрос, а также ответы, составившие менее 1 - 2.0 % опрошенных.

В Татарстане концепция татарско-русского двуязычия в сфере языка школьного обучения имеет более широкую социальную базу и более устойчивые корни, чем в соседнем Башкортостане. Судя по тому, что подавляющее большинство татар (83,6%) и значительное большинство русских (61,4%) выразили желание обучать своих детей на двух языках (татарском и русском). Указанная модель взаимодействия языков является устойчивой.

Вместе с тем, в Татарстане сложилась непростая ситуация с чувашским меньшинством. Только каждый десятый из числа городского чувашского населения считают желательным для своих детей сложившуюся и пользующуюся наиболее широкой поддержкой татарского и русского населения двуязычную татарско-русскую модель. Основная же масса чувашей более приемлемым считает для себя иные модели языка школьного обучения: в том числе каждые двое из пяти (даже больше, чем среди самих русских) хотели бы обучать своих детей только на русском, еще четверть - проголосовала за обучение на трех языках (татарском, русском и чувашском) и, наконец, 14,9% чувашей избрали сочетание татарского и чувашского (см.табл.26).

Таблица 26.

Отношение к языку обучения своих детей в школах Татарстана
(в %, по данным опроса).*

Желательно обучать своих детей в школе (сейчас или в будущем):

	только на одном языке			на двух языках		на трех языках	
	тат.	рус.	чув.	тат.+ рус.	чув.+ рус.	тат.+ чув.	
Татары	7.3	4.5	-	83.6	-	-	-
Русские	-	31.0	-	61.4	-	-	-
Чуваши	-	41.6	2.5	11.9	14.9	1.5	23.8

*) В таблицу не включены сведения о татарах (3,4%), русских (4,5%) и чувашах (4,0%), затруднившихся дать ответ, а также ответы, составившие менее 1-2,0% опрошенных.

За обязательное преподавание башкирского языка во всех школах Башкортостана с большей или меньшей долей уверенности высказалось около двух третей городских башкир, одна треть татар и немногим более одной четверти русских (см.табл.27).

Аналогичные пожелания в отношении татарского языка оказались гораздо скромнее, в том числе среди башкир в 4 раза, среди русских - в 3.6 раза. Более того, голоса самих татар в поддержку башкирского и татарского языков оказались равномерно распределенными. Удельный вес татар, скорее и безусловно не согласных с преподаванием татарского языка в

качестве обязательного предмета во всех школах Башкортостана, превысил в полтора раза долю в той или иной степени согласных с таким подходом (см.табл.27).

Можно полагать, что установка на преподавание башкирского языка в качестве обязательного предмета корреспондирует с установкой на модель самой школы. Видимо, этим, в частности, объясняется совпадение числа "голосов" русских, поданных за обучение на двух языках (русском и башкирском) и за введение преподавания башкирского языка в качестве обязательного предмета. Не лишены логики и внутренней согласованности установка и позиция башкирского населения в отношении татарского языка. Во всяком случае по 12.0% башкирских "голосов", поданных за обучение в каждом из двух типов школ - двуязычных (башкирско-татарских) и трехязычных (башкирско-русско-татарских), вполне согласованы с 15.3% башкир безусловно или скорее согласных с преподаванием татарского языка в школах Башкортостана в качестве обязательного предмета (см. табл. 27).

Таблица 27.

**Отношение к преподаванию башкирского и татарского языков
во всех школах Башкортостана в качестве обязательного предмета
(в %, по итогам опроса).***

Согласны ли с тем, чтобы во всех школах Башкортостана преподавались в качестве обязательного предмета?

	башкирский язык		татарский язык	
	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны
Башкиры	62.3	28.4	15.3	64.9
Татары	34.1	35.9	35.3	52.0
Русские	28.9	63.6	7.9	80.2

*) В таблицу не включены сведения о затруднившихся ответить на эти вопросы башкирах (9.3 и 19.7 %), татарах (10.4 и 12.7 %) и русских (7.5% и 11.9%).

Устойчивое положительное отношение населения Татарстана к татарско-русской модели двуязычия прекрасно подтверждается одобрением подавляющего большинства татар и русских включения каждого из двух языков - и татарского и русского - в число обязательных предметов школьной программы (см.табл.28). И снова, как и в во многих других языковых ситуациях, свою "особую" точку зрения проявили чуваши, среди которых лишь 30,7% в той или иной мере согласны с тем, чтобы татарский язык преподавался в качестве обязательного предмета (см.табл.28).

Таблица 28.

**Отношение к преподаванию татарского и русского языков во всех школах Татарстана в
качестве обязательного предмета
(в %, по итогам опроса).***

Согласны ли с тем, чтобы во всех школах Татарстана преподавались в качестве обязательного предмета?

	татарский язык		русский язык	
	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны
Татары	80.2	14.8	88.6	8.0
Русские	58.8	32.4	91.2	5.8
Чуваши	30.7	58.0	93.6	1.5

*) В таблицу не включены сведения затруднившихся дать ответ на указанные вопросы: соответственно 4,9% и 3,4% татар, 8,7% и 3,1% русских и 11,4% и 5,0% чувашей.

Потребности функционального развития языка осознаются и выражаются не только применительно к конкретным сферам их применения, но и там, где языки имеют одновременно и прикладное, и символическое значение.

Среди принятых в 1989-1990 гг. языковых законов, почти нет такого, в котором не упоминались бы требования маркировки наименований улиц, площадей, дорог и других мест на государственном языке.

Две трети башкир в городах Башкортостана высказались за то, чтобы названия улиц были написаны одновременно на двух языках: башкирском и русском. Лишь для каждого десятого более предпочтительными были бы названия, написанные только по-башкирски.

Применение двух языков в написании названия улиц устраивало немногим более половины русских и одну треть татарского населения. Около четверти русских и 12.3% татар считают вполне достаточным и такое положение, когда наименования улиц обозначены только на русском языке (см.табл. 29).

Понимая нереальность единоличного (монопольного) использования татарского языка в названиях улиц более четверти городских татар вполне приемлемым и наиболее удобным после башкирско-русской модели считают вариант трехязычия, когда названия улиц написаны на трех языках: башкирском, татарском и русском (см.табл. 29).

Таблица 29.

**Отношение к языку (языкам) названий улиц в своем городе
(в %, по данным опроса).***

А) На каком языке (языках) должны быть написаны названия улиц в городах в Башкортостане?

	только на одном языке			на двух языках			на трех языках
	баш.	тат.	рус.	баш.+ рус.	тат.+ рус.	баш.+ тат.	
Башкиры	6.7	9.1	-	62.3	2.1	-	13.2
Русские	23.0	-	-	54.7	2.2	-	16.5
Татары	12.3	-	-	35.3	14.0	-	27.2

Б) На каком языке (языках) должны быть написаны названия улиц в городах в Татарстане?

	только на одном языке			на двух языках			на трех языках
	тат.	рус.	чув.	тат.+рус.	чув.+рус.	тат.+чув.	
Татары	5.6	2.8	-	84.8	-	-	-
Русские	-	11.8	-	81.5	-	-	2.5
Чуваши	-	53.5	-	28.2	-	-	10.9

*) В таблицу по Башкортостану не включены сведения о затруднившихся ответить на поставленный вопрос русских (3.3%), башкирах (5.3%) и татарах (7.4%), а также ответы, не превышающие 1-2.0 %; по Татарстану - татар (4.9%), русских (3.7%) и чувашей (4.0%), а также ответы, не превышающие 2.0%.

Суверенизация "для себя" и не "для себя".

Как уже отмечалось, понятие суверенитета относительно. Даже в обществах с устоявшейся демократией нет общепризнанных определений. Тем более трудно выделить важнейшие реквизиты в переходном обществе с его мучительными попытками трансформироваться и перейти от тоталитаризма к демократизму. Не имея точно выраженных ориентиров, не располагая взвешенной информацией о понимании значения этих ориентиров, приходится продвигаться к сути происходящих преобразований буквально наощупь, прибегая к помощи описательных и вспомогательных показателей.

Такие показатели залегают в различных сферах жизни - от экономики и государственного устройства до гражданских и семейных отношений, - затрагивают как

конституционные, так и личностные аспекты, формируемые каждым человеком "для себя" и "для соседа". Так, например, относительно сдержанно реагируя на суверенизацию Башкортостана, татарское население в городах этой республики более решительно, чем городские башкиры и особенно русские, поддержали провозглашение независимости соседнего Татарстана (см.табл. 30).

Таблица 30.

Отношение к провозглашению независимости соседней республики
(в %, по итогам опроса).

А) Как относятся в Башкортостане к провозглашению независимости Татарстана?

	одобряют	не одобряют	безразличны	затрудняются ответить
Русские	15.0	30.2	37.1	17.7
Башкиры	47.4	7.6	29.5	15.5
Татары	63.4	8.9	17.1	10.7

Б) Как относятся в Татарстане к провозглашению независимости Башкортостана?

	одобряют	не одобряют	безразличны	затрудняются ответить
Татары	51.8	4.2	30.0	14.0
Русские	15.4	13.7	49.9	21.0
Чуваши	12.3	8.0	59.9	19.8

Русское и чувашское население Татарстана, "вкусив" плоды суверенизации у себя дома, подавляющим большинством "не одобрили", отнеслись "безразлично" или "затруднились ответить" к провозглашению суверенитета соседнего Башкортостана. Доля лиц, одобряющих суверенитет соседнего Башкортостана, среди татар выше, чем среди русских, и в 4,2 раза выше, чем среди чувашей (см.табл.30).

Заключение.

Итак, эмпирические данные об этнополитической действительности создают впечатление, что о суверенизации бывших автономных республик РСФСР сказано и написано (27) гораздо больше, чем сделано и осмыслено. В немалой мере это объясняется крайне противоречивыми последствиями суверенизации, неадекватными решениями правящих кругов по реализации суверенитета, неоднозначной оценкой ее итогов различными слоями и группами населения, ситуативным проявлением элементов возрождения национальной культуры и языков, случайным набором демократических элементов, несовпадением того, что ожидали и что получили люди от суверенитета своей республики, обнажением истинных целей инициаторов суверенизации и явным несовпадением манифестированных и реализованных замыслов.

Едва ли не самым сильным итогом суверенизации стали подъем национального самосознания и раскрепощение человека. Однако обретенная свобода без руля, ветрил и правил обернулась не только благом, но и бедами: ухудшением межнациональных отношений, ростом преступности, спадом экономики, дисбалансировкой общественной жизни, расколом общества, деградацией личности, сопровождаемой ломпенизацией, (28).

Суверенизация разрушила воздвигнутый декларированный прошлым строем монолит общества и привела к такой плюрализации, при которой выплеснулись на улицу старые и новые меж- и внутринациональные претензии и противоречия, всплыли неординарные внутри- и межклассовые распри.

Этносоциологическое изучение итогов суверенизации не случайно выявило, что, во-первых, эти итоги воспринимались далеко неоднозначно различными группами населения, в том числе представителями различных национальностей, во-вторых, сами плоды

суверенизации в разных республиках созревали далеко не в одно и то же время. Да и плоды, похоже, были с разных деревьев.

Ясно, что путь, пройденный республиками под флагом суверенизации, исключает тривиальное возвращение на нулевые предперестроечные позиции и надежду на восстановление прежних социалистических порядков. Совершенно очевидно и наличие разных подходов к пониманию сути, содержания, ключевых вопросов суверенизации со стороны разных национальностей. Исключительно ценными, в частности, представляются выявленные опросом данные, во-первых, о том, что в Башкортостане среди башкир есть группы людей, отрицательно оценивающих суть, содержание, пределы и итоги национального возрождения, а среди русских и татар этой республики, наоборот, есть убежденные сторонники истинного башкирского возрождения, во-вторых, о том, что сторонники демократизации распределяются не по национальной линии, а по оси реальных политических и экономических преобразований. В отличие от башкир титульные татары гораздо более решительно настроены углублять суверенизацию "по-татарски". Сам процесс суверенизации Татарстана оказал консолидирующее влияние на самосознание татар.

Вместе с тем, наличие "своей" истины у различных групп населения, своего видения хода, механизмов и итогов суверенизации побуждает воспринимать новый плюрализм, как уже сложившуюся реальность.

Реализация суверенитетов выявила, что в отдельных случаях сущность национального возрождения, воспринималась не как демократизация и социально-культурно-языковое развитие национальностей, а как борьба за власть и создание моноэтнических государств, борьба за распределение и перераспределение собственности в пользу "суверенизирующейся" нации, борьба за создание приоритетов в пользу одной нации за счет и подчас в ущерб представителям других национальностей.

Имеется немало признаков того, что дальнейшая суверенизация в рамках концепции "национального возрождения" будет способствовать разладу между интересами личности и интересами группы. В итоге, возможно, будут иметь место болезненные процессы двойной маргинализации (по этнической и государственной линиям) как среди представителей титульных национальностей, так и среди русских, особенно там, где русским грозит остаться в демографическом меньшинстве.

Каждая из составляющих суверенизации - и национальное возрождение, и раскрепощение личности, по-своему предъявили заявки на переоценку ценностей, в том числе продиктовали спрос на новое видение прошлой истории, и оценке роли народов в ней. И не стоит удивляться, что, например, в оценке роли русских, а точнее русской культуры, в оказании помощи другим народам, в том числе в развитии их национальных культур, общественное мнение поляризовалось не только в межнациональном, но и во внутринациональном планах.

Не случайно, что признавая такую помощь в принципе, одна треть городских башкир уклончиво ответила "... далеко не всем народам и не во всех областях", а каждый десятый башкир высказал свое убежденное "нет", выявив тем самым прямо противоположную позицию в оценке этого феномена с позиций 28% тех башкир, которые дали ему положительную оценку.

Одним из фундаментальных выводов проведенного исследования является вывод о слабой и узкой социальной и демографической базе национальных движений. Предварительно можно полагать, что те этнополитические группировки, что выступают от имени народа и выдают себя за национальное движение, действительно отражают назревшие проблемы социально-культурного и языкового развития своих народов. Однако ограниченные масштабы их деятельности, слабая вовлеченность широких масс позволяют, во-первых, квалифицировать эту деятельность как тренинг политических активистов, а сами общественные организации как резервуар для пополнения рядов официальных политиков и их официальных оппонентов, во-вторых, наличие таких общественных организаций (национальных движений) поставляет удобную аргументацию республиканским лидерам в их борьбе с Центром за расширение республиканского суверенитета и за получение более обширных полномочий по самоуправлению. Закономерно, что именно в тех республиках, где национальные движения особенно сильны, там и официальные власти добились от Москвы наибольших уступок. Приложение к Федеративному договору от Республики Башкортостан (от 31 марта 1992 г.) (29) и Договор Российской Федерации и Республики Татарстан "О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий

между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан"(30), подписанный 17 февраля 1994 г., - красноречивые тому подтверждения. Опрос показал, что лидеры этнополитических организаций не выполнили свою задачу по консолидации своих рядов на внутриэтнической основе, а официальные элиты не смогли добиться консолидации нации в общегражданском смысле. Ни национальная, ни гражданская идеи не стали такой доктриной, которую разделяло бы большинство титульной нации или большинство населения суверенной республики.

Исследование межнациональных отношений на личностном уровне позволило выявить наличие глубоких корней взаимной толерантности людей с различной этнической, языковой, конфессиональной и социально-профессиональной принадлежностью. Суверенизация подвергла ее суровому экзамену и даже поколебала в ряде случаев, но не смогла разрушить. Ограничимся из итогов опроса только одним примером.

Вопреки ожиданиям многих, вопреки прогнозам экспертов, ангажированных с того или иного крыла правящих элит или оппозиции, почти трое из четверых татар и двое из троих русских согласились с тем, что в соответствии с законом Президент Башкортостана как высшее должностное лицо должен свободно владеть башкирским языком, т.е. языком народа, именем которого названа суверенная республика Башкортостан. При этом половина татар и треть русских поддержали эту идею в "безусловной", категоричной форме. Не в меньшей мере и столько же неожиданной оказалась "ответная" реакция башкирского населения, подавляющее большинство которого (89.7%) не потребовало от граждан Башкортостана не-башкирской национальности обязательного знания башкирского языка. В соседнем Татарстане указанные установки, хотя и оказались со своим особым привкусом, но все же совпали с установками населения соседней республики. Нельзя не напомнить, в частности, что около трех четвертей русских и чувашей согласились с тем, что президент Татарстана в соответствии с законом должен свободно владеть татарским языком. И также, как башкиры в соседнем Башкортостане, титульное татарское население не потребовало от не-титульного населения обязательного знания татарского языка, чтобы иметь право на получение гражданства Татарстана.

Выявленная опросом взаимная толерантность, распределенная, как было показано выше, в целом ряде таблиц, по конкретным сферам приложения башкирского и татарского языков, имеет исключительно важное значение.

Прежде всего она свидетельствует о наличии в общественном мнении республики готовности и серьезных предпосылок для сохранения межнационального мира и согласия, сохранения политической стабильности, несмотря на многонациональный состав республик и разное понимание национальностями сути и задач суверенизации.

Сегодня мало кто отрицает, что одной из наиболее острых является проблема национальной школы. Прежние попытки создавать универсальные модели для всех народов и всех республик, как правило, вели в тупик. Национальная школа и сегодня у всех на слуху. И похоже, что выход, скорее, может быть подсказан самими народами, чем ломающими себе головы экспертами и специалистами в области школьной политики.

Для городов Башкортостана этот выход оказался на путях создания различных моделей школы, в соответствии с потребностями и желаниями самих народов. Респонденты убежденно выбрали не одну, а по крайней мере по 3 разные модели для башкир (башкирско-русская (62.8%), башкирско-татарская (11.8%), башкирско-русско-татарская (12.0%), и для татар (татарско-русская (38.1%), башкирско-русско-татарская (25.0%) и русская (13.0%), и две модели для русских (русская (54.1%), и башкирско-русская (28.3%).

При этом имеет смысл подчеркнуть, что наибольшее число голосов (суммарно) собрала модель такой школы, в которой обучение детей должно вестись на башкирском и русском языках. В этом особенно сошлись позиции башкир и русских. Однако, если правительство сконцентрирует свое внимание только на этом типе школ, и оставит без внимания другие, например, татарскую школу, то вряд ли такая школьная политика будет отвечать чаяниям татарского населения и углублению межнационального согласия.

В Татарстане с его двухполосным модусом межнациональных отношений выбор моделей языка школьного обучения оказался менее вариативным. Большинство лиц татарской и русской национальности "согласились", чтобы школа была татарско-русской. Что касается "обиженных" чувашей и их неуголенность школьной политикой, выраженной в желании иметь или только "русскую", или "татарско-русско-чувашскую", но не татарскую и

лишь на худой конец - татарско-русскую, то от руководства республики, бесспорно, требуется дополнительные чуткость и внимание к чувашскому национальному меньшинству.

Какую бы грань общественной жизни ни взять, везде обнаруживается наличие 4-х заинтересованных сторон: политиков, представленных сотрудниками государственных органов и внедряющих правила игры из официальной доктрины, лидеров национальных и иных общественных движений, оказывающих давление на официальную политику, независимых и зависимых экспертов, предлагающих как независимые, так и "заказные" оценки ситуации и разработанные предложения, и собственно населения, ждущего от всех первых трех участников политической драмы лучшего обустройства своей жизни. Задача аналитиков состоит в том, чтобы найти такую равнодействующую между интересами выделенных компонентов, которая в разумных пределах устраивала бы каждую из сторон. При этом нужна величайшая осторожность при выработке практических рекомендаций, таких рекомендаций, которые отдавали бы предпочтение консенсусным и эволюционным, а не эгоистическим и революционным методам воплощения суверенизации.

В конечном счете плоды суверенизации, если и не исключают возврата к прежнему тоталитаризму, то, по крайней мере, уменьшают такую вероятность и побуждают думать о выборе того нового, что еще предстоит сделать.

Сравнительный анализ самооценок плодов суверенизации гражданами двух соседних республик позволил дать срез этнополитической ситуации и выделить повторяющиеся тенденции. Типологически сходное распространение мнений представителей титульной национальности и русских в городах двух соседних республик, дало возможность сделать вывод о наличии определенных, повторяющихся и тут и там тенденций. Суть этих тенденций в том, что чем выше оценка плодов суверенизации лицами титульной национальности, тем заметнее несовпадение во взглядах между титульным и русским населением. Одна и та же тенденция, повторенная в двух республиках, дает основание видеть в ней некую закономерность, имеющую, на наш взгляд, огромное значение.

Без знания закономерностей вряд ли возможно достижение одной из целей науки - прогнозирования. И если справедлива обратная зависимость между плодами суверенизации и углублением дезинтеграции, любой политик может самостоятельно извлечь для себя уроки и получить ответ на вечный вопрос - что делать? Конечно, характеризуя выявленные этнополитические параллели двух республик, мы сумели обозреть лишь надводную часть айсберга, т.е. практически лишь то, что лежит на поверхности и фиксируется в откровенных установках граждан. К сожалению, за пределами внимания пока еще остались более глубинные вещи - факторы, предопределяющие декларируемые установки, и институты, насаждающие их. Поэтому к сделанным в данном и в последующих трех очерках выводам и обобщениям надо отнестись с известной осторожностью, принимая незавершенность сделанного в них анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. М.Н.Губогло. Что такое этнополитология.- Союз, 1990, N26. С.6-7; его же: От корней до кроны. Задачи изучения этнополитических ситуаций. - В кн.: Гражданские движения в Таджикистане. М., 1990. С.5-12.; его же: Предпосылки изучения современной этнополитической ситуации в СССР. - В кн.: Национальные процессы в СССР. М., 1991. С.5-42.; его же: О задачах этнополитологической антропологии. - В кн.: Этнополитическая мозаика Башкортостана, т.3. М., 1993. С.17-32.
2. Новейшую библиографию о суверенизации Башкортостана, насчитывающую более 2 тыс. названий и охватывающую события 1989-1992 гг. см.: Этнополитическая мозаика Башкортостана, т. II. Башкирское национальное движение. М., 1992. С.252-336.
3. Освещение новейших тенденций в этнополитическом развитии Татарстана см., например: Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 9 июня 1993 г. в г.Казани, ч.I. Казань, 1993, ч.II. Казань, 1993. С.256.
4. Первая пилотажная этносоциологическая экспедиция по проекту "Оптимизация социально-культурного развития и сближения наций СССР" (автор Ю.В.Арутюнян) была проведена (руководитель - М.Н.Губогло) в Ланшевском районе Татарской ССР в 1967 году. Подробнее см.: Ю.В.Арутюнян. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР). - Сов. этнография, 1968, № 4. С.7. Первая монография по итогам этносоциологических исследований была посвящена Татари. См.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973.
5. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Том I. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах. М., 1992. С.302; Том II. Башкирское национальное движение. М., 1992. С.342; Том III. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993. С.340.
6. М.Н.Губогло. Башкортостан. Штрихи к этнополитическому портрету. - В кн.: Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994. С.58-115.
7. В будущем предполагается это сравнение продолжить в более широком контексте на примере 16 бывших автономных республик РСФСР. Материалы для такого сравнения были получены в ходе реализации крупного международного проекта "Предвыборная и поствыборная ситуации в России" (авторы проекта - Джерри Хафф, Тимоти Колтон, Сьюзен Лейманн, организатор и руководитель исследований в 16 бывших автономных республиках - М.Н.Губогло), реализованном в ноябре-декабре 1993 г.
8. См., например: С.Алексеев и А.Собчак. Конституция и судьба России. - Известия, N75, 1992, 30 марта; Владимир Латифский. Плюсы и минусы альтернативного проекта Конституции. - Известия. 1992, 7 апреля.
9. Башкирский народный центр "Урал". Устав Башкирского народного центра /БНЦ/ "Урал". Уфа, 1990. С.2-3.
10. Независимая газета. 1992, 18 апреля.
11. Подробнее об этом см.: Дж.М.Гилязетдинов. О роли национальных движений и национально-культурных объединений в решении национальных и межнациональных проблем. - В кн.: Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т.3. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993. С.23-28; Р.Н.Зинуров. Грозит ли Башкортостану синдром "душанбинского митинга"? (К изучению межнациональных отношений в Башкортостане). - там же. С.29-38.
12. Резолюции: 1) "По докладу председателя БНЦ "Урал" Кульшарипова М.М. "Общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в Башкортостане"; 2) "О воспитании, подготовке и расстановке национальных кадров в Республике Башкортостан"; 3) "О статусе языков в Башкортостане"; 4) "О демографических проблемах Республики Башкортостан"; 5) "По вопросам экологии"; 6) "По народному образованию". - "Замандаш", 1992, 31 января.
13. Материалы переписей населения бывшего СССР, упоминаемые в тексте и таблицах, почерпнуты из источников: ЦГАНХ, фонд 1562, опись 336; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., IV том; Национальный состав населения СССР. М., 1973; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984; "Союз". 1990, NN 32, 34, 39, 44, 51; "Союз". 1991, NN 2, 6, 11, 12, 15, 23. Более подробное, в том числе постраничное описание источников, см.: М.Н.Губогло. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959-1989 гг. (По материалам переписей населения СССР). - Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1991.
14. Цит. по: Литературная газета. 1994, 12 января. С.3.
15. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Том I. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах. М., 1992. Том 2. С. 111-149.
16. Там же, Т.I. С. 141-143.
17. Там же. С. 141.
18. Там же. С. 142.
19. Государственная Программа Республики Башкортостан по решению национальных и межнациональных проблем на современном этапе. (Государственная программа "Этносы Башкортостана"). Часть I, Уфа, 1993. С.107.
20. См., например: Д.Валеев. Для чего нужен статус союзной республики? - Вечерняя Уфа. 1990, 3 окт., его же: На защиту суверенитета. - Ленинец. 1991, 18 мая; его же: Проблемы реализации и развития государственного

- суверенитета Башкирской ССР в его отношении к суверенитету башкирской нации. Уфа, 1991.
21. Жан Тощенко. Потенциально опасные точки. Этнополитическая ситуация в России в 1993 году. - Независимая газета. 1993, 1 марта. С.5.
 22. В.В.Маресьев. Общественные движения в Мордовии. - В кн.: Общественные движения в Мордовии. Документы. Материалы. М., 1993. С. 15-85.
 23. См. подробнее.: С.В.Чешко. Идеология распада. М., 1993.
 24. Подробнее об этом см. специальный раздел в книге: М.Н.Губогло. Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвизм. М., 1993
 25. Там же. С. 95-96 и др.
 26. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т.3. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М.,1993. С. 70,108,115.
 27. См.: Этнополитическая мозаика Башкортостана, т.2. М., 1992. С.252-286.
 28. Владимир Жириновский. О собирательной роли России и молодых волках. - Известия. 1994, 23 апреля. С.4.; Отто Лацис. Капкан для молодых волков. Там же.
 29. Этнополитическая мозаика Башкортостана, т.1. С.225-226.
 30. Российская газета. 1994, 17 февраля.

Подписано к печати 25.10.94 Тир. 150 экз. Печ.л. 2,5
Заказ № 45
УОП Института этнологии и антропологии РАН